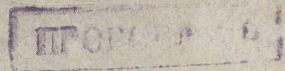

Публичной библиотеке Харьковского Университета
Мамонтовскому

от Автора

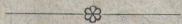
Профессоръ

Душанъ Θεодоровичъ

ЛЯМБЛЬ,

его служебная и литературная
дѣятельность.

(Матеріалы къ исторіи Харьковского Университета).

Проф. М. А. Поповъ.

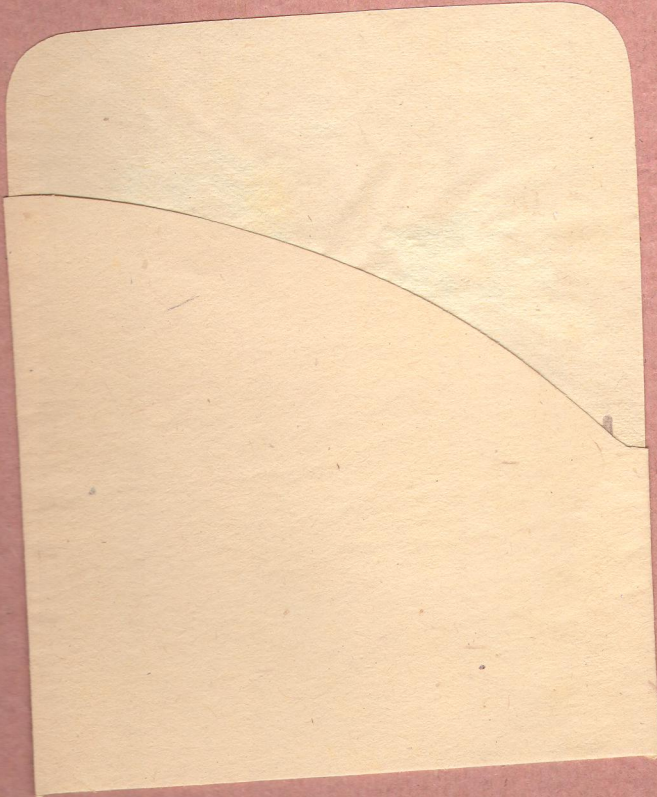

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.

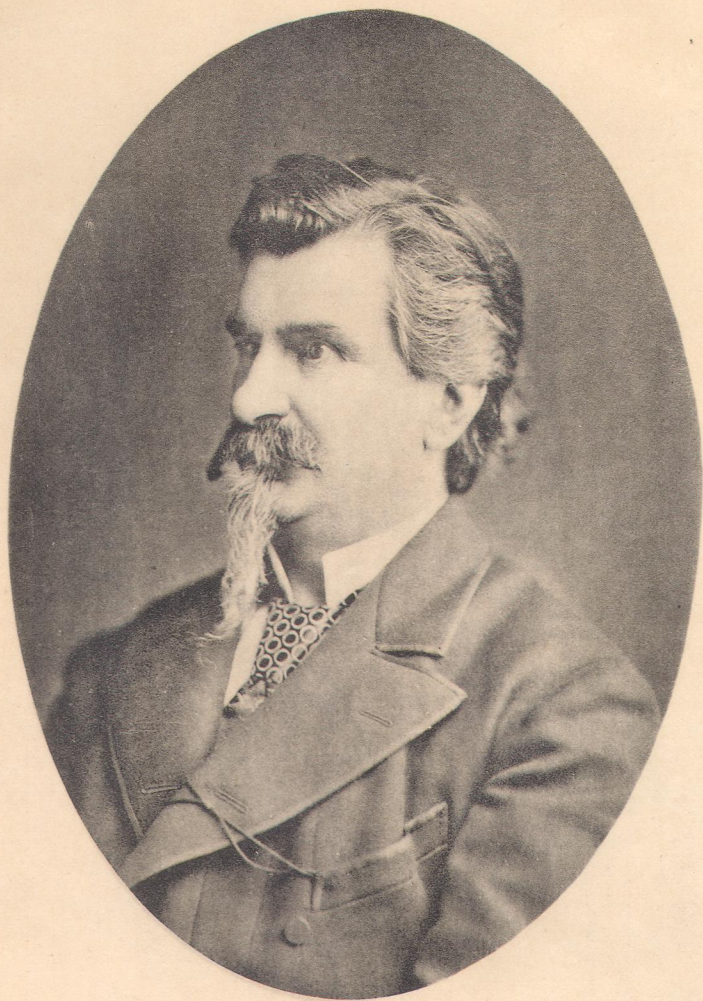
1896.

~~2484(2) 7119~~
2448.4/4 (100) 7089

ГОРБЕН

Thos. D. Hambley.

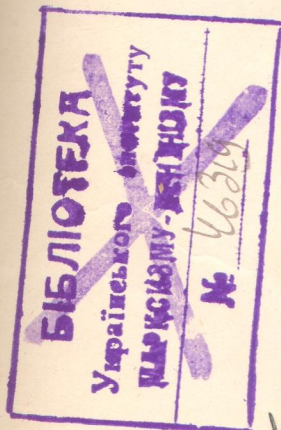
34.

Профессоръ
Душанъ Θεοδοоровичъ
ЛЯМБЛЬ,

его служебная и литературная
дѣятельность.

с-328 (47.7)

(Матеріалы къ исторіи Харьковского Университета).

Проф. М. А. Поповъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.

1896.

58 99 68 08

1933

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать и выпустить
въ свѣтъ разрѣшается. Іюня 22-го дня 1896 года.

Ректоръ Университета *М. Алексѣенко*.

1896

67
18
69

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	1
I. Формулярный списокъ и краткій очеркъ дѣятельности Д. Θ. Лямбля до пріѣзда въ Россію.	3
II. Проф. Д. Θ. Лямбль, какъ членъ Медицинскаго Факультета и Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета	9
III. Проф. Д. Θ. Лямбль, какъ членъ Харьковскаго Медицинскаго Общества .	123
IV. Проф. Д. Θ. Лямбль, какъ лекторъ и демонстраторъ	165
V. Проф. Д. Θ. Лямбль, какъ дѣятель ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго Университета	177
VI. Списокъ и рефераты печатныхъ трудовъ Д. Θ. Лямбля.	202

OTJABBEHIE

I. Introduction	1
II. The first part of the work	10
III. The second part of the work	20
IV. The third part of the work	30
V. The fourth part of the work	40
VI. The fifth part of the work	50
VII. The sixth part of the work	60
VIII. The seventh part of the work	70
IX. The eighth part of the work	80
X. The ninth part of the work	90
XI. The tenth part of the work	100

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый біографическій очеркъ посвящается одному изъ крупныхъ дѣятелей Харьковскаго университета—проф. Д. Θ. Лямблю, который послѣ себя оставилъ неизгладимые слѣды въ Харьковскомъ университетѣ. За время его пребыванія въ Харьковѣ кафедра анатоміи переживала свое лучшее время. Преподаваніе нормальной анатоміи значительно видоизмѣнилось и поставлено было на ту высоту, каковой не вездѣ достигало, даже и за границей. Въ особенную заслугу нужно поставить Душану Ѳеодоровичу то, что, не смотря на мѣстныя малыя средства, неудобства и разныя препятствія къ правильной постановкѣ преподаванія анатоміи, онъ все же таки достигъ своей цѣли. Что же касается до кафедры патологической анатоміи, то она своимъ возникновеніемъ всецѣло обязана Д. Θ. Лямблю. Онъ первый началъ надлежащимъ образомъ преподавать патологическую анатомію. Онъ основатель патолого-анатомическаго музея. Извѣстно, что только въ 1867 году вопросъ объ отдѣленіи предмета патологической анатоміи въ отдѣльную кафедру въ Харьковскомъ университетѣ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но проф. Д. Θ. Лямбль читалъ уже патологическую анатомію раньше, съ тѣхъ поръ, какъ только пріѣхалъ въ Харьковъ. Харьковскій университетъ можетъ гордиться и считать себя счастливымъ въ томъ, что первоначальное направленіе и преподаваніе патологической анатоміи попало въ такія опытныя руки, какъ проф. Д. Θ. Лямбль. Проф. Д. Θ. Лямбль явился въ Харьковъ не новичкомъ по наукѣ и по преподаванію, а уже окруженный ореоломъ славы знаменитаго ученаго. За нимъ стояли многолѣтняя опытность по производству вскрытій, доказанное и удостовѣренное знаніе и умѣніе демонстрировать и вести практическія занятія по нормальной и патологической гистологіи и, наконецъ, шѣлый рядъ ученыхъ трудовъ. Дѣйствительно лучшаго учителя трудно было найти. Понятно, что біографіи дѣятелей, подобныхъ Лямблю, должны являться въ возможной полнотѣ. Хотя я съ

своей стороны приложилъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы имѣть всѣ необходимые источники для составленія настоящаго біографическаго очерка, тѣмъ не менѣе я не все могъ имѣть въ рукахъ. Я особенно сожалѣю, что не могъ получить никакихъ свѣдѣній о дѣтствѣ, юности и первыхъ шагахъ ученой и практической дѣятельности Д. Θ. Лямбля, а также сожалѣю, что я не могъ получить *всѣхъ* его печатныхъ работъ. Источники, которыми я пользовался при составленіи настоящаго біографическаго очерка, слѣдующіе: 1) формулярный списокъ Д. Θ. Лямбля; 2) архивъ Харьковскаго университета и печатные протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго Харьковскаго университета; 3) печатные протоколы Харьковскаго медицинскаго общества; 4) архивъ медицинскаго факультета Императорскаго Варшавскаго университета; 5) печатные труды Д. Θ. Лямбля, разбросанные въ различныхъ заграничныхъ и русскихъ періодическихъ журналахъ; 6) литографированныя и рукописныя записки курса патологической анатоміи, нормальной гистологіи и общей патологіи Д. Θ. Лямбля; 7) некрологъ «Проф. Д. Θ. Лямбль», напечатанный г. ректоромъ Варшавскаго университета П. И. Ковалевскимъ въ газетѣ «Варшавскій Дневникъ», 17 января 1895 г., № 39, и 8), отзывы различныхъ русскихъ ученыхъ о работахъ Лямбля въ Прагѣ, помѣщенные въ различныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Считаю долгомъ принести мою благодарность гг. ректорамъ Харьковскаго университета М. М. Алексѣенко и Варшавскаго—П. И. Ковалевскому за разрѣшеніе пользоваться архивами названныхъ университетовъ.

I. Формулярный списокъ и краткій очеркъ дѣятельности Д. Θ. Лямбля до прїѣзда въ Россію.

Душанъ (Вильгельмъ) Ѳедоровичъ Лямбль, католическаго вѣроисповѣданія, родился 5 декабря 1824 года въ Богеміи. По окончаніи образованія въ среднемъ учебномъ заведеніи, онъ поступилъ въ Прагскій университетъ на медицинскій факультетъ. По окончаніи курса наукъ въ университетѣ со степенью доктора медицины, онъ съ 1856 и по сентябрь 1860 года преподавалъ въ качествѣ приватъ-доцента въ томъ же университетѣ патологическую анатомію. 6 сентября 1860 года съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора опредѣленъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ физиологической анатоміи. Въ Харьковъ прїѣхалъ Д. Θ. Лямбль только лишь 12 января 1861 года, а 27 февраля того же года былъ утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Въ 1861—1862 академическомъ году, кромѣ своего предмета, отдѣльно преподавалъ патологическую анатомію, за что и выдано ему было 560 р. 40 к. изъ экономическихъ суммъ Харьковскаго университета. 4 октября 1862 года избранъ почетнымъ членомъ чешскаго медицинскаго общества (*Societas medicorum Bohemicorum*). 13 октября 1862 года Правительствующимъ Сенатомъ утвержденъ въ чинѣ надворнаго совѣтника. 27 ноября 1864 года за отлично усердную службу награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. За преподаваніе въ 1864—1865 академическомъ году, кромѣ описательной анатоміи нормальной, еще и патологической выдано ему 600 р. За преподаваніе въ 1865—1866 академическомъ году, сверхъ своей обязанности, еще по вакантной каѳедрѣ терапевтической клиники, получилъ вознагражденіе 600 р. По избраніи въ Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета перемѣщенъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія 1 апрѣля 1867 года, на каѳедру патологической анатоміи въ томъ же университетѣ. Въ пер-

выхъ числахъ января 1867 года избранъ президентомъ Харьковскаго медицинскаго общества на 1867 годъ. 21 апрѣля 1867 года избранъ дѣйствительнымъ членомъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ 1867 г. былъ избранъ вице-президентомъ международнаго съѣзда врачей въ Парижѣ. (Congrès international medical) отъ 16 до 28 августа нов. ст. Въ 1868 году избранъ президентомъ Харьковскаго медицинскаго общества. Въ 1867 г. декабря 22, за отлично усердную службу и особые труды награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ Императорскою короной. Въ 1870 г. ноября 16 утвержденъ въ чинѣ статскаго совѣтника со старшинствомъ. Въ 1871 г. января 1 Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Владимира 3 ст. 1871 г. февраля 18 Совѣтомъ Императорскаго Харьковскаго университета въ уваженіе ученыхъ заслугъ по отрасли медицинскихъ наукъ, на основаніи примѣчанія къ § 113 Высочайше утвержденнаго 18 іюня 1863 г. общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, утвержденъ въ степени доктора медицины. Приказомъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 13 ноября 1871 г. перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Варшавскій университетъ по кафедрѣ терапевтической факультетской клиники, съ жалованьемъ по 3000 руб. въ годъ. При этомъ перемѣщеніи, на основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 18 день октября 1871 года, представлены ему всѣ права и преимущества, присвоенныя лицамъ русскаго происхожденія, служащимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго правилами 30 іюля 1867 года. Ноября 27, 1871 г. избранъ почетнымъ членомъ Харьковскаго медицинскаго общества. Октября 27, 1872 г. избранъ дѣйствительнымъ членомъ Варшавскаго медицинскаго общества. 21 декабря 1874 года за отличіе по службѣ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія командированъ былъ въ 1879 году въ С.-Петербургъ на VI съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ качествѣ депутата отъ Варшавскаго университета на срокъ съ 18 декабря 1879 г. по 7 января 1880 года. Въ 1881 году января 1 Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1 ст. Въ 1881 г. іюня 30 Россійскимъ обществомъ Краснаго Креста, состоящимъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, въ знакъ признательности за безвозмездное посвященіе своихъ трудовъ на пользу общества, избранъ членомъ-соревнователемъ этого общества. 1 декабря 1882 года уволенъ, согласно прошенію, отъ занимаемой должности, съ дозволеніемъ въ отставку носить мундирный полукафтанъ, присвоенный послѣдней его должности.

5 февраля 1883 года, на основаніи Высочайшаго соизволенія, г. министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено Лямблю чтеніе лекцій въ Вар-

шавскомъ университетѣ по вакантной каѳедрѣ терапевтической клиники съ сохраненіемъ за нимъ руководства факультетскою терапевтическою клинкою, находящеюся при больницѣ Св. Духа, съ производствомъ ему вознагражденія въ размѣрѣ 2000 руб. въ годъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ остатковъ отъ личнаго состава Варшавскаго университета съ 1 декабря 1882 года. За двадцатилѣтнюю службу Лямбля, на основаніи 212 и 262 статей III тома св. законовъ, устава о пенсіяхъ, изд. 1876 г. и 13 и 14 статей Высочайше утвержденныхъ 30 іюля 1867 г. правилъ о правахъ и преимуществахъ лицъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 18 день октября 1871 года, назначена ему пенсія въ размѣрѣ полнаго оклада жалованья, присвоеннаго должности ординарнаго профессора Варшавскаго университета, по три тысячи въ годъ съ 1 декабря 1882 г. 1 января 1884 года Всеимостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1 ст., а 1 января 1889 года Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія Всеимостивѣйше соизволилъ произвести Лямбля въ чинъ тайнаго совѣтника.

Д. О. Лямбль былъ уроженецъ Чешскаго королевства, а потому состоялъ австрійскимъ подданнымъ, но, перешедши на службу въ Россію, онъ, еще служа въ Харьковскомъ университетѣ, принялъ русское подданство. Д. О. Лямбль женился въ Харьковѣ на дѣвицѣ Евгеніи Александровнѣ Эдельбергъ, отъ каковаго брака 1 апрѣля 1870 г. родилась дочь Ольга.

Состоя на службѣ по найму при Варшавскомъ университетѣ, проф. Д. О. Лямбль скончался въ Варшавѣ 13 февраля 1895 года въ 10½ час. вечера, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни. Лямбль страдалъ астмой и отъ приступа астмы скончался. Торжественное погребеніе праха Д. О. Лямбля состоялось на Повонзковскомъ кладбищѣ 16 февраля 1895 г. Профессора-товарищи покойнаго, студенты и множество друзей и знакомыхъ до самой могилы проводили гробъ, который весь былъ покрытъ вѣнками.

Вся служебная и научная дѣятельность Д. О. Лямбля распадается на три періода: первый, продолжавшійся почти до конца 1860 года, проведенъ имъ за границей въ Прагѣ; второй—съ конца 1860 года по 13 ноября 1871 года въ Харьковѣ и третій—съ конца 1871 года и по 13 февраля 1895 года, т. е. по день смерти, въ Варшавѣ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ особенно подробно разработанъ второй періодъ дѣятельности Лямбля, а именно время пребыванія его въ Харьковѣ, такъ какъ для этого имѣлись всѣ необходимые источники. Что же касается до двухъ другихъ періодовъ, то они очерчены только на основаніи тѣхъ печатныхъ статей и архивныхъ справокъ, какія я въ состояніи былъ достать.

Судя по всему, первый періодъ былъ полонъ кипучей научной дѣятельности Лямбля. Уже въ 1845 г., будучи еще юношей 21 года, Лямбль выступаетъ, какъ писатель. Первые его труды посвящены не такъ медицинѣ, какъ разнымъ отраслямъ естествознанія, географіи, этнографіи, геогнози и проч. Онъ печаталъ, какъ свои собственные наблюденія, такъ и наблюденія другихъ ученыхъ, послѣднія въ видѣ рефератовъ. Собственные его труды касались, главнымъ образомъ, славянскихъ земель, ихъ обитателей и ихъ натуральныхъ богатствъ. Сообщенія эти сдѣланы на основаніи личныхъ наблюденій и изслѣдованій, произведенныхъ во время путешествія по этимъ землямъ. Въ короткое время имъ напечатано не мало оригинальныхъ статей, списокъ которыхъ можно найти въ послѣдней главѣ этого очерка.

Первое научное сообщеніе по патологической анатоміи «*Ein neues querverengtes Becken*» было напечатано Лямблемъ въ 1853 году. Съ этого времени, не оставляя дѣлать сообщенія по естествознанію, онъ написалъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ статей по нормальной и патологической анатоміи, между которыми находимъ описаніе *открытыхъ имъ* круговыхъ волоконъ въ циліарной мышцѣ.

Богатая литературная подготовка вообще и по своей специальности въ особенности видимо не удовлетворяла пытливаго ума Душана Ѳедоровича. Онъ стремился дальше. Лямбль былъ замѣчательный лингвистъ. Помимо своего родного чешскаго, онъ зналъ какъ свой родной языкъ всѣ славянскія нарѣчія, включая туда русскій и польскій языки. Кромѣ этого онъ владѣлъ въ совершенствѣ нѣмецкимъ, французскимъ, итальянскимъ и англійскимъ языками.

Обладая такимъ знаніемъ языковъ, Лямбль стремился къ путешествію, во время котораго онъ желалъ изучить въ натурѣ и собрать въ одно цѣлое всѣ тѣ замѣчательные, рѣдкіе матеріалы по патологической анатоміи, которые разбросаны по разнымъ европейскимъ музеямъ. Такое путешествіе по Европѣ совершено имъ въ 1856 году. Обѣхавши Германію, Голландію, Бельгію, Англію, Францію, Италію и Австрію и усердно занимаясь по госпиталямъ и музеямъ въ 26 городахъ, Лямбль издалъ свой замѣчательный «*Reisebericht*», въ которомъ занесена масса чрезвычайно важныхъ и интересныхъ патолого-анатомическихъ наблюденій.

Прагскій университетъ, оцѣнивая по достоинству научныя заслуги Лямбля, приглашаетъ его къ себѣ въ 1856 году, въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ патологической анатоміи. Съ этого момента развивается еще другая сторона дѣятельности Лямбля—дѣятельность преподавательская. Неумоимо трудясь, производя массу вскрытій въ дѣтскомъ госпиталѣ въ Прагѣ (Franz-Joseph-Kinder-Spital) и во *второмъ* военномъ

госпиталь въ Прагѣ, Лямбль открываетъ частные курсы по нормальной и патологической гистологіи. Своимъ умѣлымъ руководствомъ онъ привлекаетъ въ свою лабораторію массу молодыхъ врачей и ученыхъ всѣхъ національностей, между которыми мы встрѣчаемъ не мало русскихъ. Въ короткое время Лямбль создалъ свою собственную школу, ученикамъ которой посвящалъ все время съ особенной энергіею, любовью и любезностью. И нужно сказать, что благодарные ученики его, дѣйствительно пріобрѣтшіе въ его лабораторіи много полезныхъ свѣдѣній, не безмолвствовали. Слава о Лямблѣ быстро росла; она далеко ушла за предѣлы Богеміи и Австріи; она распространилась по всей западной Европѣ. Въ его пользу раздавались голоса и у насъ въ Россіи и не только со стороны учениковъ, но также и со стороны извѣстныхъ представителей наукъ.

Какъ оцѣнили его за границей, нахожу достаточнымъ упомянуть лишь о томъ, что извѣстный германскій ученый Ферстеръ предложилъ внести имя Лямбля въ число важныхъ историческихъ дѣятелей медицинской науки за его научныя изслѣдованія. Какъ оцѣнили дѣятельность Лямбля наши русскіе ученые, я, для примѣра, приведу отзывы нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Проф. Т. С. Иллинскій ¹⁾ пишетъ такъ: „*Дѣтскій госпиталь проф. Лешнера*. Объ этомъ заведеніи я долженъ упомянуть настолько, насколько это касается существующаго въ немъ анатомическаго преподаванія. При госпиталѣ находится небольшая коллекція анатомическихъ и патологическихъ препаратовъ и залъ для анатомическихъ работъ; то и другое находится въ завѣдываніи приватъ-доцента доктора Лямбля, который и даетъ здѣсь частные курсы нормальной и патологической гистологіи и дѣлаетъ патологическія секціи съ демонстраціями. Докторъ Лямбль принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые, при обширныхъ познаніяхъ, обладаютъ въ высокой степени даромъ яснаго, отчетливаго и послѣдовательнаго изложенія. Знакомый со всѣми особенностями микроскопа и всѣми тонкостями микроскопическихъ изслѣдованій, онъ приноситъ чрезвычайную пользу своимъ слушателямъ, научая видѣть въ предметѣ существенное и излагая тѣ начала развитія, на которыхъ основано различное расположеніе и нерѣдко возникающая отсюда разнообразная форма элементовъ морфологическихъ, совершенно тождественныхъ между собою. Не менѣе замѣчательна въ немъ механическая часть наблюденія; одинъ и тотъ же предметъ готовится къ изслѣдованію разнообразными способами; онъ имѣетъ сверхъ того значительную коллекцію готовыхъ препаратовъ, которые служатъ не малымъ пособіемъ при заготовленіи и изслѣдованіи свѣжихъ частей. При всемъ этомъ постоянное нахожденіе Лямбля въ кругу

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1860 г. Январь.

работающихъ при немъ и всегдашняго его готовность объяснять все возникающія недоумѣнія, придаютъ еще болѣе цѣны анатомическимъ занятіямъ въ дѣтскомъ госпиталѣ. Не только специалистъ, но и всякій образованный врачъ не останется въ накладѣ, удѣливъ часть времени на занятія у Лямбля, потому что здѣсь, кромѣ микроскопическихъ изслѣдованій, онъ найдетъ и практическія примѣненія таковыхъ у постели больныхъ».

Докторъ Н. Вильчковскій ¹⁾, работавшій въ лабораторіи у Лямбля, пишетъ слѣдующее: д-ръ Лямбль, назначенный въ настоящее время профессоромъ анатоміи въ Харьковскій университетъ, приобрѣлъ почетное имя въ медицинской литературѣ многочисленными статьями, помѣщенными по большей части въ издаваемомъ въ Прагѣ медицинскомъ журналѣ «Prager Vierteljahrschrift». Далѣе Вильчковскій реферировать одну изъ статей Лямбля. Д-ръ М-ня Варенуха ²⁾ въ той же книжкѣ Военно-Медицинскаго журнала совершенно одинаково отзывался о Лямблѣ. Докторъ Варенуха занимался у Лямбля нормальной и патологическою гистологіею, причемъ свидѣтельствуетъ, что въ научномъ матеріалѣ недостатка не было, такъ какъ *все вскрытія* въ дѣтскомъ и во 2-мъ военномъ Пражскихъ госпиталяхъ *были производимы собственноручно д-ромъ Лямблемъ* и весь полученный матеріалъ изслѣдовался строго научнымъ путемъ въ кругу его многочисленныхъ учениковъ.

Вообще въ періодъ времени съ 1856 года и по сентябрь 1860 года весьма многіе изъ русскихъ молодыхъ ученыхъ докторовъ медицины, готовившихся къ академической карьерѣ, занимались въ Прагѣ подъ руководствомъ проф. Лямбля и въ печати того времени весьма часто встрѣчаются или отзывы о немъ, или ссылки на его работы. Все эти отзывы въ одинъ голосъ повторяли одно и тоже, а именно, что Лямбль обладаетъ громадной научной подготовкой, что онъ очень хорошо практически знакомъ съ микроскопомъ, что работаетъ неутомимо, производя массу вскрытій и разбирая строго-научно все находимое. Еще болѣе лестные отзывы были о немъ, какъ о преподавателѣ, демонстраторѣ и руководителѣ при практическихъ занятіяхъ, какъ по нормальной, такъ равно и по патологической анатоміи и гистологіи. Понятно поэтому и то обстоятельство, что когда въ Харьковскомъ университетѣ открылась вакансія на кафедрѣ анатоміи, и когда въ числѣ кандидатовъ на это мѣсто явился Лямбль, то Харьковскій медицинскій факультетъ и Совѣтъ университета, не колеблясь, пригласили его занять вакантное мѣсто, на каковое онъ и былъ съ Высочайшаго соизволенія опредѣленъ 6-го сентября 1860 года.

¹⁾ Военно-Медицинскій журналъ. 1861 г. Апрѣль.

²⁾ Отчетъ о занятіяхъ за границей.

II. Профессоръ Д. Θ. Лямбль, какъ членъ медицинскаго факультета и Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго университета.

Замѣчательная энергія и дѣятельность проф. Д. Θ. Лямбля отразилась и во время прохожденія имъ службы въ Харьковскомъ университетѣ. Не говоря о томъ, что онъ почти постоянно посѣщалъ засѣданія факультета и Совѣта, въ теченіе одиннадцатилѣтняго своего пребыванія въ Харьковѣ, онъ всегда былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ въ этихъ засѣданіяхъ. Онъ интересовался не только тѣмъ, что непосредственно примыкало къ его специальности и кафедрѣ, но участвовалъ въ обсужденіи большинства вопросовъ, возникавшихъ въ факультетѣ и Совѣтѣ. Его многочисленныя «мнѣнія», «доклады», «рецензій», «рапорты» я проч. блещутъ солидными свѣдѣніями и обоснованы на научныхъ доказательствахъ. Это своего рода научные труды, остроумная критика, оригинальные ученые взгляды, высказанные въ засѣданіяхъ и не занесенные въ печать. Для полноты сужденія о научно-служебной дѣятельности проф. Д. Θ. Лямбля я полагаю необходимымъ *in extenso* привести представленныя имъ письменныя мнѣнія по различнымъ обстоятельствамъ и притомъ въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ нижеслѣдующаго отчета въ тоже время ясно будетъ видно какъ много порученій дѣлано было факультетомъ Лямблю и какую массу труда онъ несъ, какъ членъ, въ особенности, факультета.

Въ 1859 году, лѣтомъ, проф. нормальной анатоміи Харьковскаго университета Т. С. Иллинскій перешелъ на службу въ Петербургъ, въ медико-хирургическую академію профессоромъ патологической анатоміи. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, поручивъ, временно, въ 1859—60 акад. году преподаваніе нормальной анатоміи проз. Вилкомирскому, положилъ объявить конкурсъ на занятіе мѣста преподавателя по вакантной кафедрѣ анатоміи. Въ засѣданіи 2-го сентября 1859 года медицинскій факультетъ составилъ условія конкурса и назначилъ срокъ таковому 1-е апрѣля 1860 года. На конкурсъ явились три соискателя доктора медицины: В. Краузе, И. Вилкомирскій и Д. Θ. Лямбль. Послѣ разсмотрѣнія научныхъ трудовъ всѣхъ трехъ кандидатовъ и обсужденія достоинствъ ихъ въ засѣданіи 8 мая 1860 года, медицинскій факультетъ единогласно призналъ Д. Θ. Лямбля, какъ единственнаго, удовлетворившаго вполнѣ требованіямъ конкурса, и представилъ его въ Совѣтъ университета, какъ достойнѣйшаго кандидата

для занятія кафедры нормальной анатоміи ¹⁾. Въ засѣданіи Совѣта университета 17-го мая 1860 года произведена была баллотировка Д. Θ. Лямбля въ ординарные профессора по кафедрѣ анатоміи, при чемъ оказалось избирательныхъ 21 и неизбирательныхъ 3 балла. Съ Высочайшаго соизволенія Лямбль опредѣленъ 1860 года 6 сентября исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ. Такъ какъ о своемъ назначеніи Душанъ Ѳеодоровичъ получилъ извѣщеніе, находясь еще за границую, а именно въ Прагѣ, то поэтому явился на службу онъ только 12 января 1861 года.

Какъ только пріѣхалъ Д. Θ. Лямбль въ Харьковъ, то первымъ его дѣломъ было, для болѣе успѣшнаго и обширнаго преподаванія анатоміи, раздѣлить таковое, по примѣру заграничныхъ университетовъ, между двумя преподавателями; съ этой цѣлью онъ 17 января 1861 года вошелъ рапортомъ въ факультетъ съ просьбою поручить проз. Вилкомирскому въ 2 полугодіи 1890—1891 акад. года читать, подъ наблюденіемъ его, Лямбля, 6 час. въ недѣлю студентамъ 1 курса спланхнологію, ангиологію и неврологію; преподаваніе же студентамъ 2 курса Лямбль оставилъ за собою тоже въ количествѣ 6 часовъ въ недѣлю, при чемъ 3 часа назначались для чтенія ангиологіи и неврологіи, 1 часъ для общей анатоміи и 2 часа для микроскопическихъ занятій. Предложеніе это одобрено факультетомъ, а затѣмъ и Совѣтомъ (7 февр.) и наконецъ разрѣшено (23 февр.) г. попечителемъ.

Второю заботою Душана Ѳеодоровича было обставить, пополнить и расширить по возможности анатомическій театръ для того, чтобы можно было правильно вести преподаваніе и практическія занятія. Когда пріѣхалъ Д. Θ. Лямбль въ Харьковъ, то отдѣленіе анатоміи помѣщалось въ нижнемъ этажѣ главнаго университетскаго корпуса, въ центрѣ города. Все анатомическое отдѣленіе, предназначенное для кафедръ анатоміи и судебной медицины, а впослѣдствіи еще для патологической анатоміи, гистологіи и топографической анатоміи состояло изъ 2 комнатъ, назначенныхъ для музея, одной залы для вскрытій и практическихъ занятій студентовъ на трупахъ, одной маленькой комнаты для профессора, еще меньшей для прозектора и его помощника и аудиторіи, устроенной крайне неудобно и съ плохимъ освѣщеніемъ. Подъ прозекторской помѣщался погребъ, для храненія труповъ. Входъ въ аудиторію и въ пре-

¹⁾ Объ условіяхъ конкурса и обсужденіе научныхъ трудовъ всѣхъ трехъ кандидатовъ подробно изложено въ моей статьѣ „Прозекторъ И. О. Вилкомирскій, его служебная и литературная дѣятельность“, Записки Императорскаго Харьковскаго университета. 1895. Книга 3.

паровочный залъ былъ изъ темнаго корридора нижняго этажа. Короче сказать, помѣщеніе для анатоміи было весьма маленькое и неудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ. Вентиляціи не было ровно никакой, кромѣ двухъ форточекъ, которыя зимою, по причинѣ холода, открывать было и неудобно и опасно, чтобы не простудиться; поэтому въ анатомической залѣ всегда царилъ специфическій, зловонный анатомическій запахъ, распространявшійся не только во всѣ помѣщенія анатоміи, но также по всему нижнему корридору и даже въ аудиторіи верхняго этажа корпуса. Къ этому необходимо добавить, что музей анатоміи имѣлъ крайне ничтожное количество препаратовъ нормальной и патологической анатоміи; необходимая обмундировка анатомическаго театра для веденія занятія была крайне мизерна, плоха и обветшала. Понятно, что мириться съ такими условіями Лямбль не могъ, а потому въ теченіе первыхъ лѣтъ своего служенія, и даже послѣ, главнымъ его стремленіемъ было, елико возможно, улучшить положеніе каѳедры анатоміи. Съ этой цѣлью, тотчасъ по пріѣздѣ въ Харьковъ, онъ обращается въ Правленіе университета съ просьбою расширить помѣщеніе и назначить 1600 рублей на разныя перестройки и пріобрѣтенія. Просимая сумма имѣла распредѣлиться слѣдующимъ образомъ:

1) На инструменты, микроскопы и микроскопическіе препараты	400 р.
2) На бѣлье и халаты для студентовъ, занимающихся трупосъченіемъ	100 р.
3) На устройство подвала для труповъ въ загородномъ анатомическомъ театрѣ	300 р.
4) На передѣлку оконныхъ рамъ въ анатомической аудиторіи на большія съ приспособленіемъ для микроскопическихъ изслѣдованій	100 р.
5) На исправленіе старыхъ и на сдѣланіе новыхъ шкафовъ, столовъ разной величины и другой мебели	600 р.
6) На устройство камина въ секціонной залѣ для очищенія воздуха	100 р.

Правленіе университета сочувственно отнеслось къ неотложнымъ нуждамъ каѳедры анатоміи и если не сразу, то мало-по-малу находило средства удовлетворить просьбу Лямбля. Такъ, чрезъ годъ или полтора къ анатоміи присоединены были 2 большія сосѣднія комнаты, которыя до того служили квартирою для экзекутора. Въ томъ же году передѣлана аудиторія, сдѣланъ каминъ въ препаровочной, куплены новые инструменты, а въ послѣдующіе годы пріобрѣтено нѣсколько микроскоповъ: Плессля, Аличи и Шика. Постановка практическихъ занятій и микроско-

пическихъ демонстрацій, насколько позволяли мѣсто и средства, улучшилась. До 1862 года практическія занятія студентовъ на трупахъ, если и бывали, то только лишь днемъ по той причинѣ, что анатомическій театръ по вечерамъ не освѣщался и если кто нибудь изъ студентовъ желалъ работать вечеромъ, то долженъ былъ самъ приносить съ собой свѣчи. По настояніямъ Д. Θ. Лямбля съ 1862 года введено освѣщеніе нижняго корридора, аудиторіи и препаровочной залы посредствомъ масляныхъ лампъ.

Недостатокъ матеріала для практическихъ занятій побудилъ Лямбля обратиться въ Правленіе университета съ просьбою ходатайствовать чрезъ г. попечителя о доставкѣ труповъ изъ Чугуевского военнаго госпиталя. На это ходатайство полученъ слѣдующій отвѣтъ Правленія: «По представленію Правленія Его П-во, г. Попечитель относился къ начальству Чугуевского военнаго госпиталя съ просьбою объ увѣдомленіи, не встрѣчается-ли оно препятствія къ доставленію труповъ изъ Чугуевского военнаго госпиталя въ Харьковскій университетъ по почтѣ, съ отнесеніемъ потребныхъ при этомъ издержекъ на счетъ университета. Нынѣ Начальникъ 6 кавалерійской дивизіи, отношеніемъ отъ 14 февраля, увѣдомилъ, что, на запросъ его по сему предмету, контора Чугуевского военнаго госпиталя донесла ему, что трупы умершихъ въ госпиталѣ нижнихъ чиновъ могутъ быть отправляемы въ Харьковскій университетъ только тѣ, во вскрытіи которыхъ не встрѣчается надобности въ госпиталѣ по практической, или по судебно-медицинской части и при томъ, если контора госпиталя будетъ имѣть отъ университета сумму, нужную на издержки при пересылкѣ труповъ въ Харьковъ. При этомъ Его П-во Генераль-Лейтенантъ Мартыновъ присовокупилъ, что число больныхъ въ Чугуевскомъ военномъ госпиталѣ очень не велико; въ минувшемъ году среднее число больныхъ въ день не превышало 54 человекъ; смертные случаи рѣдки и почти всѣ умершіе, по желанію родственниковъ, или товарищей, тамъ же предаются погребенію. По этимъ причинамъ, а также по вышеозначенной надобности въ трупахъ для госпиталя, онъ полагаетъ, что Чугуевскій военный госпиталь почти не будетъ имѣть возможности доставлять трупы въ Харьковскій университетъ».

Пришлось поэтому ограничиться тѣмъ матеріаломъ, которымъ и прежде пользовался анатомическій театръ, а именно: Сабурова дача и Тюремный замокъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1861 г. факультетъ поручилъ Д. Θ. Лямблю рецензировать сочиненіе лѣкаря Виктора Шеметова, подъ названіемъ «Монографія круглыхъ язвъ желудка», представленнаго какъ диссертация на степень доктора медицины. Рецензія признала диссертацию удовлетвори-

тельною и 23 февраля того же года Д. О. Лямбль въ первый разъ выступилъ въ Харьковѣ, какъ официальный оппонентъ при публичной защитѣ диссертациі лѣкаремъ Шеметовымъ.

16 апрѣля того же года Лямбль снова былъ официальнымъ оппонентомъ при публичной защитѣ диссертациі на степень доктора медицины лѣкаремъ Иваномъ Зарубинымъ, подъ заглавіемъ «Объ органическомъ возстановленіи нижней губы».

Въ засѣданіи Совѣта 2-го мая 1861 г. было заслушано прошеніе Д. О. Лямбля слѣдующаго содержанія: «Въ прошломъ 1860 году я издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе: *Патолого-анатомическія студіи и наблюденія въ ѳтской больницѣ въ Прагѣ*. Сочиненіе это въ 13 главахъ, касается содержаніемъ своимъ почти всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ патологической анатоміи на основаніи специальныхъ наблюденій. Объемъ нѣмецкаго изданія заключается въ 25 листахъ текста, въ 25 литографическихъ и хромографическихъ таблицахъ и въ нѣсколькихъ рисункахъ, приложенныхъ къ самому тексту. Въ настоящее время я желаю бы напечатать это сочиненіе на русскомъ языкѣ, съ тѣми, однакожъ, необходимыми измѣненіями, которыя бы поставили самую книгу въ разрядъ учебныхъ книгъ. Достигнуть этого можно слѣдующимъ путемъ: 1) выпустить вовсе нѣкоторыя частныя наблюденія; 2) сократить общія разсужденія и присоединить новыя записки изъ матеріаловъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи въ Харьковскомъ университетѣ; 3) дополнить, гдѣ необходимо, общими взглядами и введеніями для начинающихъ; 4) употребить при этомъ таблицы и рисунки уже готовыя, чтобы не утратить оригинальность.

Объемъ новаго изданія, на русскомъ языкѣ, можетъ быть свободно сокращенъ на 14 листовъ текста съ введеніемъ тѣхъ новыхъ данныхъ и общихъ выводовъ, о которыхъ сказано выше. Что касается до стоимости рисунковъ, то на 25 таблицъ издержано въ нѣмецкомъ изданіи до 1250 руб. на тысячу экземпляровъ, по 50 руб. на каждую таблицу. Перепечатать ихъ для русскаго изданія, также на 1000 экземпляровъ будетъ стоить 500 рублей, потому что камни готовы въ литографіяхъ вѣнскихъ и пражскихъ. Слѣдуетъ только заказать надпись русскую и опредѣлить число экземпляровъ. Такъ какъ годовой срокъ, до котораго должны сохраняться камни, приходитъ къ концу, то и необходимо сдѣлать скорѣе распоряженіе.

Обратиться къ университету за этимъ изданіемъ казалось мнѣ вполне умѣстнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) въ составъ прежняго изданія будетъ введенъ новый матеріалъ, заимствованный изъ Харьковскаго университета; б) книга можетъ быть полезна въ настоящее время, пре-

имущественно для здѣшнихъ студентовъ и с) наконецъ университету не предстоитъ ни малѣйшаго риска потому, что онъ можетъ продавать книгу дешевле стараго изданія».

Это предложеніе проф. Лямбля Совѣтъ передалъ на заключеніе медицинскаго факультета, который вполне одобрилъ вышеупомянутое сочиненіе Лямбля на нѣмецкомъ языкѣ, рекомендовалъ его, какъ отличное руководство, и выразилъ Совѣту желаніе, чтобы это сочиненіе было напечатано на русскомъ языкѣ. Получивъ такого рода отзывъ медицинскаго факультета, Совѣтъ университета въ засѣданіи своемъ 16 мая 1861 года призналъ полезнымъ имѣть сочиненіе Лямбля на русскомъ языкѣ, о чемъ и положилъ сообщить Правленію университета.

Не знаю почему, но, сколько мнѣ извѣстно, такое благое намѣреніе Душана Оедоровича, къ сожалѣнію, все же таки не реализировалось, хотя проф. Лямбль лѣтомъ 1861 г. ѣздилъ за границу и именно въ Прагу и Вѣну, а слѣдовательно могъ лично уговориться съ представителями литографій и типографій, гдѣ хранились камни съ рисунками къ его нѣмецкому сочиненію и такимъ образомъ уладить изданіе сочиненія на русскомъ языкѣ.

Въ началѣ 1861 года въ Совѣтъ университета поступило прошеніе доктора медицины Вильгельма Краузе съ изъявленіемъ желанія читать лекціи по патологической анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ привать-доцента. При прошеніи приложена, между прочимъ, печатная работа Краузе «О строеніи сухожилій». Совѣтъ передалъ это дѣло на заключеніе медицинскаго факультета, а этотъ послѣдній поручилъ проф. Лямблю представить рецензію на сочиненіе Краузе. Требуемая рецензія была представлена факультету 6-го мая того-же года, хотя и въ лаконическомъ, но за то внушительномъ видѣ. Въ своемъ рапортѣ проф. Лямбль говоритъ: «Въ отвѣтъ на вопросъ медицинскаго факультета, относительно сочиненія д-ра Краузе «О сухожиліи», имѣю честь представить мнѣніе мое въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ: 1) Самый *предметъ не касается патологической анатоміи*, которую д-ръ Краузе желаетъ читать въ качествѣ привать-доцента. 2) Въ сочиненіи авторъ не приводитъ *никакихъ новыхъ данныхъ*, даже пренебрегаетъ и извѣстными наблюденіями, находящимися въ учебныхъ книгахъ и специальныхъ сочиненіяхъ. 3) Кромѣ многихъ *недостатковъ, ошибокъ* и очевидно несправедливыхъ положеній, авторъ подвергается *заблужденіямъ* противъ самыхъ начальныхъ правилъ микроскопической науки».

Члены факультета, вполне раздѣляя мнѣніе проф. Лямбля, признали сочиненіе Краузе неудовлетворительнымъ для полученія имъ искомаго мѣста. На основаніи такого заключенія факультета, Совѣтъ отказалъ д-ру Краузе въ его просьбѣ.

14 мая 1861 года проф. Лямбль представилъ въ факультетъ свой лестный отзывъ о лекціяхъ проз. Вилкомирскаго ¹⁾ и просилъ о денежномъ награжденіи за труды проз. Вилкомирскаго и помощника прозектора Гумбурга, на что факультетъ выразилъ свое согласіе.

23 февраля 1861 г. медицинскій факультетъ поручилъ проф. Лямблю рассмотреть сочиненіе доктора медицины Дмитрія Киселева «Объ эпителиальномъ ракѣ», представленное для полученія званія приватъ-доцента по кафедрѣ частной патологии и терапіи. Лямбль далъ о сочиненіи удовлетворительный отзывъ и защита означенной диссертациі *pro venia legendi* состоялась 23 мая того же года въ присутствіи гг. членовъ факультета и Совѣта, причемъ оппонентами были профф. Демонси и Лямбль.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 20 мая 1861 г. проф. Лямблю предложено было взять на себя трудъ преподавать патологическую анатомію, на что Душанъ Ѳеодоровичъ и выразилъ свое согласіе.

28 сентября 1861 г. на имя декана медицинскаго факультета поступило прошеніе студента 3-го курса медицинскаго факультета Якова Кремнянскаго слѣдующаго содержанія: «Г. проф. Лямбль, въслѣдствіе просьбы студентовъ медицинскаго факультета, изъявляетъ свое согласіе, въ пособіе студентскимъ занятіямъ, содѣйствовать литографированію записокъ патологической анатоміи, составленныхъ по демонстраціямъ и лекціямъ его по патологической анатоміи, принимаетъ на себя трудъ провѣрять составленные для этой цѣли записки и держать корректуру рисунковъ. При этомъ онъ принимаетъ въ уваженіе представленные студентами доводы, что дѣйствительно на переписку лекцій бесполезно тратится много времени и что въ неисправныхъ рукописяхъ легко можетъ быть измѣненъ и самый смыслъ лекцій. Я, по предложенію проф. Лямбля и нѣкоторыхъ изъ студентовъ, принимаю на себя обязанность заботиться о составленіи лекцій и о приведеніи дѣла къ исполненію, руководствуясь при этомъ тою мыслію, что трудъ мой будетъ облегченъ, во-первыхъ, тѣмъ, что я уже разъ выслушалъ часть курса патологической анатоміи г. Лямбля и занимался составленіемъ его лекцій и, во-вторыхъ, тѣмъ, что приглашаю для этой цѣли нѣсколькихъ студентовъ въ компанію. Что касается денежныхъ средствъ, которыя нужны для расходовъ по этому дѣлу, то они образуются изъ того, что студенты соглашались вносить деньги впередъ по подпискѣ и слѣдовательно съ этой стороны дѣло обезпечивается студентами и еслибы по распродажѣ всѣхъ экземпляровъ получился прибыльокъ, по выключеніи всѣхъ расходовъ, то часть его назначается въ студенческую кассу для вспомо-

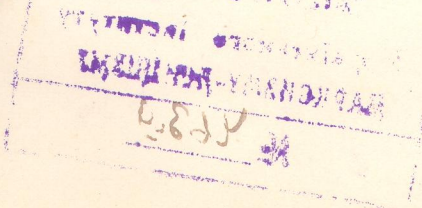
¹⁾ Подробно отзывъ напечатанъ въ моей статьѣ „Проз. И. О. Вилкомирскій, его служебная и литературная дѣятельность“. Записки Императорскаго Харьковскаго университета. 1895. Книжка 3.

моженія бѣднымъ товарищамъ, часть для студенческой библіотеки. Но для того, чтобы литографированныя лекціи могли служить пособіемъ для студенческихъ занятій и въ теченіе настоящаго курса и оканчивающимъ курсъ для экзамена, я, согласно желанію студентовъ, предполагаю дѣлать отдѣльные выпуски записокъ въ продолженіе текущаго учебнаго года, по мѣрѣ накопленія матеріала. По сему честь имѣю просить Ваше Превосходительство дозволить мнѣ литографировать въ одной изъ Харьковскихъ частныхъ литографій записки, составляемыя мной по демонстраціямъ и лекціямъ патологической анатоміи проф. Д. Θ. Лямбля и провѣренныя Лямблемъ». Это прошеніе студента Кремянскаго г. деканъ внесъ для обсужденія въ факультетъ, который, находя изданіе литографированныхъ записокъ весьма полезнымъ, положилъ ходатайствовать о разрѣшеніи литографировать записки. Совѣтъ университета, находя съ своей стороны полезнымъ изданіе записокъ и, справившись съ законоположеніями по сему дѣлу, опредѣлить: разрѣшить, съ одобренія факультетской цензуры, изданіе литографированныхъ записокъ проф. Лямбля, но съ тѣмъ, чтобы каждый листъ таковыхъ записокъ передъ отправкою въ литографію былъ рассмотрѣнъ и одобренъ факультетомъ, скрѣпленъ по листамъ деканомъ или секретаремъ факультета, прошнурованъ и утвержденъ въ концѣ университетскою печатью.

Записокъ патологической анатоміи Лямбля, составленныхъ Кремянскимъ, вышло всего три выпуска, изъ нихъ первые два заключаютъ въ себѣ остеопатологію и артропатологію, а въ третьемъ изложены pseudoplasmata.

Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ 1861 года Д. Θ. Лямбль три раза выступалъ въ качествѣ оппонента при публичной защитѣ диссертаций на степень доктора медицины лѣкарями: Александромъ Рончевскимъ (10 октября) «Общее кровоупусканіе, какъ противовоспалительное средство на Кавказѣ», Александромъ Односумовымъ (18 октября) «Болезни печени при перемежающейся лихорадкѣ» и Евгеніемъ Скобликовымъ (12 ноября) «Объ ущемленныхъ паховыхъ грыжахъ и ихъ лѣченіи».

Въ засѣданіе Совѣта 7 ноября 1861 года поступило слѣдующее заявленіе проф. Лямбля: «По существующему нынѣ порядку, для перехода студентовъ медицинскаго факультета въ другіе факультеты, требуется со стороны профессора засвидѣтельствованіе объ ихъ отвращеніи къ трупосѣченіямъ; но такъ какъ отвращеніе къ трупосѣченіямъ составляетъ собственное внутреннее чувство нѣкоторыхъ студентовъ, о которомъ судить другому невозможно, то осмѣливаюсь предложить гг. членамъ Совѣта ходатайствовать объ освобожденіи студентовъ медицинскаго факультета отъ подобной формальности при переходѣ ихъ въ другіе факультеты на томъ основаніи, что отъ студентовъ другихъ факультетовъ ничего подобнаго не требуется для перемѣны факультета».

Гг. члены Совѣта положили ходатайствовать въ смыслъ рапорта проф. Лямбля.

Съ сентября 1861 года проф. Лямбль, кромѣ описательной и микроскопической анатоміи, преподавалъ еще, по порученію факультета, и патологическую анатомію. Матеріаль для демонстрацій по послѣднему предмету былъ первое время очень скудный и насколько Лямбль былъ благодаренъ и признателенъ тѣмъ лицамъ, которыя давали ему таковой матеріаль, можно видѣть изъ его рапорта 12 января 1862 года въ факультетъ, въ которомъ онъ пишетъ:

«Честь имѣю донести медицинскому факультету, что въ зимнемъ семестрѣ 1861—62 академическаго года изъ патологической анатоміи мною пройдена и демонстрирована, то на препаратахъ, находящихся отчасти въ кабинетѣ, то на рисованіи препаратовъ, видѣнныхъ мною въ европейскихъ анатомическихъ кабинетахъ, вся остеопатологія, которая и налитографирована моими слушателями студентами. Кромѣ того нѣсколько десятковъ разъ были демонстрированы патологическія измѣненія, находимыя въ органахъ, присылаемыхъ изъ Харьковскихъ Богоугодныхъ заведеній, какъ-то: въ мозгѣ, легкихъ, сердцѣ, печени, селезенкѣ, кишечномъ каналѣ, почкахъ, мочевомъ пузырьѣ и половыхъ органахъ, а равно также были демонстрированы почти на каждой лекціи новообразованія, полученные изъ хирургической клиники. Такъ какъ въ доставленіи патологическихъ препаратовъ, изъ которыхъ многіе по своей рѣдкости и важности сохранены, содѣйствуютъ старшій врачъ Харьковскихъ Богоугодныхъ заведеній докторъ Шеметовъ и проф. Грубе, то покорнѣйше прошу медицинскій факультетъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства объ изъявленіи благодарности доктору Шеметову и проф. Грубе за доставленную ими возможность объяснить нагляднымъ образомъ патологическія измѣненія органовъ и новообразованія на лекціяхъ патологической анатоміи, которыя были посѣщаемы не только студентами III, IV и V курсовъ, но также лѣкарями и докторами г. Харькова и пріѣзжими». На основаніи этого рапорта отъ медицинскаго факультета и Совѣта университета выражена была благодарность доктору Шеметову и проф. Грубе.

Радѣя о пополненіи анатомическаго театра всѣми учебными пособиями, проф. Лямбль, между прочимъ, заботится также и объ основаніи библіотеки при анатомическомъ кабинетѣ, что ясно видно изъ его рапорта отъ 22 января 1862 года въ медицинскій факультетъ, въ коемъ онъ пишетъ: «Желая завести маленькую библіотеку при анатомическомъ кабинетѣ для справокъ, честь имѣю при семъ представить счетъ взятыхъ мною анатомическихъ книгъ на русскомъ языкѣ у комиссіонера нашего университета Петра Апарина и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить медицинскій

М. А. Поповъ.

факультетъ сдѣлать распоряженіе о приобрѣтеніи оныхъ для анатомическаго кабинета съ уплатою денегъ, слѣдуемыхъ за книги, по прилагаемому здѣсь счету, книгопродавцу Апарину изъ суммы, отпускаемой на анатомическій кабинетъ».

25 февраля 1862 года проф. Лямбль былъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ при публичной защитѣ диссертациі лѣкаремъ Дмитріемъ Петровымъ, подъ названіемъ «Объ органическомъ суженіи мочеваго канала».

Въ маѣ 1862 года въ Лондонѣ имѣла быть всемірная выставка, въ которой принимала участіе и Россія. Такъ какъ на эту выставку приглашались отъ каждаго государства представители, которые могли-бы въ качествѣ экспертовъ и судей участвовать при оцѣнкѣ достоинствъ выставленныхъ предметовъ по различнымъ отраслямъ производства, то поэтому министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ, загодя, еще въ февралѣ мѣсяцѣ того же года, сдѣлалъ запросъ въ университеты, въ томъ числѣ и въ Харьковскій, о томъ, не желаетъ ли кто-нибудь изъ профессоровъ отправиться въ Лондонъ на выставку въ качествѣ судьи въ 29-й классъ всемірной выставки, объемлющій учебныя пособія и приборы. Вызовъ этотъ былъ заслушанъ въ засѣданіи Совѣта университета 6 февраля 1862 года, причемъ изъ присутствовавшихъ профессоровъ изъявили желаніе поѣхать на выставку съ означенною цѣлью проф. Соколовъ и Лямбль съ условіемъ, чтобы имъ дано было пособіе, сверхъ получаемаго ими содержанія по университету, по 300 руб. въ мѣсяцъ, а изъ отсутствовавшихъ профессоровъ г. Лапшинъ выразилъ, что онъ также согласенъ на эту командировку, предоставляя назначеніе пособія на усмотрѣніе начальства. Кромѣ того, въ то же засѣданіе поступило прошеніе Лямбля, въ коемъ онъ изъясняетъ, что на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1856 году онъ занимался критическимъ разборомъ и разсужденіемъ о предметахъ, представленныхъ тогда въ особомъ отдѣленіи выставки и касающихся гігіены, фармаціи, хирургіи, анатоміи и вообще медицины. Официальный его отчетъ напечатанъ на счетъ австрійскаго правительства въ общемъ отчетѣ о выставкѣ и въ особенной брошюрѣ, которую онъ представляетъ теперь Совѣту. Желая нынѣ и въ этомъ году познакомиться съ прогрессомъ, сдѣланнымъ съ тѣхъ поръ въ техникѣ вышеупомянутыхъ отраслей медицинской науки, проф. Лямбль проситъ Совѣтъ исходатайствовать для него у начальства разрѣшенія поѣздки за границу въ Лондонъ на время лѣтнихъ вакацій съ прибавленіемъ 28 дней, т. е. до конца августа мѣсяца. На это прошеніе Совѣтъ положилъ резолюцію: ходатайствовать о разрѣшеніи отпуска проф. Лямблю. Командировка Лямбля состоялась и отчетъ о своемъ путешествіи онъ напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1862 годъ, часть CXVI.

7 марта 1862 года проф. Лямбль вошелъ въ факультетъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: «Пробывши годъ при Харьковскомъ университетѣ, я убѣдился, что средства, предоставленныя мнѣ для преподаванія столь важнаго предмета, какъ анатомія, далеко недостаточны и не удовлетворяютъ современному требованію науки. Анатомія, при важности своей, представляетъ такую обширность, что при ограниченномъ времени, назначенномъ для ея преподаванія и при довольно значительномъ числѣ учащихся, мнѣ одному невозможно исполнить всего того, чего требуетъ современная анатомія. Демонстраціи по анатоміи описательной, микроскопической, топографической и патологической столь многочисленны, что при кратковременности не могутъ приносить надлежащей пользы всѣмъ учащимся. Два помощника, при мнѣ находящіеся, употребляютъ почти все свое время на приготовленіе препаратовъ по описательной анатоміи. Собственно-же преподаваніе всѣхъ вѣтвей анатоміи, изъ которыхъ каждая составляетъ довольно обширный предметъ, предоставлено одному мнѣ. Чтобы убѣдиться въ трудности моего положенія, достаточно сказать то, что въ каждомъ почти университетѣ для одной физиологической анатоміи преподаватель имѣетъ у себя двухъ помощниковъ, причемъ столько-же рукъ работаютъ и для патологической анатоміи. Кромѣ того особенно читаются курсы микроскопической и топографической анатоміи. У насъ анатомическія демонстраціи разнаго рода далеко не достигаютъ своей цѣли и не удовлетворяютъ требованіямъ ни науки, ни слушателей. При множествѣ этихъ демонстрацій и недостаточности времени, я рѣшительно не въ состояніи останавливаться на объясненіи каждаго отдѣльнаго факта такъ долго, сколько этого требуетъ, съ одной стороны многочисленность и разная степень развитія слушателей, а съ другой—практическая важность предмета; отсюда вытекаетъ тотъ неудовлетворительный результатъ, что не малое число учащихся, не смотря на всѣ мои неуспѣшныя старанія, оставляютъ позади себя много пунктовъ темными, или даже совершенно непонятными, а отъ этой, между тѣмъ, основы зависитъ вся прочность медицинскаго образованія. Вотъ почему я проникнутъ убѣжденіемъ, что при нашемъ университетѣ кругъ анатомическихъ занятій долженъ быть расширенъ. Прибавимъ къ этому еще недостаточность здѣшнихъ анатомическихъ музеевъ, какъ по физиологической, такъ и по патологической анатоміи, и легко убѣдиться, что, для надлежащаго преподаванія анатоміи, необходимо мнѣ имѣть еще одного помощника, который бы занимался приготовленіемъ препаратовъ, особенно по патологической анатоміи, демонстрировалъ и повторялъ бы со студентами все пройденное мною и вообще руководилъ бы ихъ въ занятіяхъ. При такомъ только порядкѣ дѣлъ можно надѣяться, что приготовленіе молодыхъ людей къ медицинскому образова-

нію будетъ удовлетворительно. Принимая притомъ въ соображеніе предстоящія реформы по университетамъ вообще, я нахожу удобнымъ пока временно назначить при мнѣ помощника съ извѣстнымъ жалованьемъ. Подобное распоряженіе нисколько не можетъ противорѣчить будущимъ преобразованиямъ, потому что со введеніемъ ихъ вновь приглашенный можетъ быть утвержденъ въ своей должности въ качествѣ доцента. Если реформы будутъ другого рода, то онъ все-таки необходимъ для университета. Кромѣ большой пользы, которую онъ будетъ приносить учащимся, должно замѣтить еще и то, что изъ него самого можетъ подготовиться дѣльный кандидатъ на профессуру анатоміи, которая вообще не представляется привлекательнаго рода занятій. Предлагая подобную мѣру, въ высшей степени необходимую, покорнѣйше прошу медицинскій факультетъ сдѣлать какъ можно скорѣе зависящее отъ него распоряженіе и передать дѣло, куда слѣдуетъ». Не смотря, впрочемъ, на всю ясность доводовъ Лямбля, факультетъ, повидимому, холодно отнесся къ его заявленію, такъ какъ резолюція, поставленная по сему дѣлу факультетомъ, была только лишь «принять къ свѣдѣнію».

27 марта 1862 года проф. Лямбль былъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ при публичной защитѣ диссертациі, подъ названіемъ «Исслѣдованіе важнѣйшихъ вопросовъ ущемленія паховыхъ и бедренныхъ грыжъ», лѣкаремъ Авраамомъ Финкельштейномъ.

21 апрѣля 1862 года проф. Лямбль представилъ въ факультетъ рецензію на диссертацию лѣкаря Михаила Стефановича-Севастьяновича, подъ названіемъ «Анатомо-патологическое исслѣдованіе нѣкоторыхъ новообразованій въ женскихъ половыхъ органахъ» и нашелъ ее вполне удовлетворительною, а 20 мая того же года проф. Лямбль выступалъ въ качествѣ официального оппонента при публичной защитѣ лѣкаремъ Стефановичемъ-Севастьяновичемъ его диссертациі.

22 мая 1862 года проф. Лямбль вошелъ въ Совѣтъ съ представленіемъ проз. Вилкомирскаго въ адъюнкты по каедрѣ физиологической анатоміи. Совѣтъ это представленіе передалъ на заключеніе медицинскаго факультета, который, обсудивъ это представленіе въ засѣданіи своемъ 1 іюня, сообщилъ Совѣту, что считаетъ мѣсто адъюнкта при каедрѣ физиологической анатоміи совершенно излишнимъ. На основаніи такого отзыва представленіе проф. Лямбля осталось безъ послѣдствій.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ д-ръ А. Финкельштейнъ представилъ въ медицинскій факультетъ диссертацию, подъ названіемъ «Описаніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ препаратовъ анатомическаго музея Императорскаго Харьковскаго университета», написанную имъ для полученія званія доцента по каедрѣ анатоміи. Диссертациа передана была на рецензію проф. Лямблю, который

нашелъ ее удовлетворительною для означенной цѣли: тѣмъ не менѣе факультетъ, обсудивъ достоинства диссертациі и не видя въ ней самостоятельности, которую, по его мнѣнію, должно отличаться сочиненіе лица, ищущаго званія доцента, не смотря на удовлетворительный отзывъ о ней проф. Лямбля, не нашелъ ее удовлетворительною для полученія Финкельштейномъ искомаго званія. На основаніи такого постановленія факультета, Совѣтъ университета отказалъ и возвратилъ диссертацию Финкельштейну.

За чтеніе патологической анатоміи въ 1861—62 академическомъ году проф. Лямбль получилъ вознагражденіе въ количествѣ 560 руб. 40 коп.

Лѣтомъ 1862 года Лямбль былъ на выставкѣ въ Лондонѣ и, возвращаясь оттуда чрезъ Москву, онъ внезапно заболѣлъ острымъ ревматизмомъ и по этой причинѣ могъ явиться въ Харьковъ только въ первыхъ числахъ октября мѣсяца.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года д-ръ Шумовскій, для соисканія кафедры фармакологіи и общей терапіи, представилъ въ медицинскій факультетъ свои сочиненія, одна часть которыхъ, а именно: «Механика колѣннаго сочлененія» и «Развитіе эпителиальной ткани на серозныхъ оболочкахъ», передана была на рецензію проф. Лямблю, другая часть сочиненій отдана была на рецензію проф. Калениченко. Одновременно съ этимъ на рецензію проф. Лямбля переданы были два сочиненія д-ра Станкевича, конкурировавшаго также на кафедру фармакологіи. Мнѣніе Лямбля о сочиненіяхъ было высказано въ одобрительномъ смыслѣ для обонхъ кандидатовъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1862 года д-ръ медицины А. Финкельштейнъ представилъ въ медицинскій факультетъ сочиненіе, подъ названіемъ «Анатомо-хирургическія изслѣдованія подчелюстной области», написанное для полученія званія доцента хирургіи. Сочиненіе это передано было на разсмотрѣніе проф. Лямбля, который 28 января 1863 г. представилъ о немъ слѣдующее мнѣніе:

«Авторъ предварительно увѣряетъ, что трудъ его *не содержитъ въ себѣ ничего* особенно новаго (стр. 1), и что читатель *не найдетъ въ немъ богатой литературы*. Хотя этимъ предисловіемъ не обозначается особенное достоинство сочиненія, то все-таки надобно признаться, что одно и другое авторомъ сказанное совершенно справедливо. «Я болѣе имѣлъ въ виду трупъ». Какой трупъ? Когда? Какимъ образомъ приготовленный? Объ этомъ ни сказано ничего. Рождается сомнѣніе, что авторъ имѣлъ въ виду трупъ. «Разысканій, преимущественно трудныхъ при ограниченныхъ къ тому средствахъ здѣшняго университета» (стр. 2). Неправда! Въ первомъ полугодіи было въ анатомической лабораторіи около 40 труповъ, а скальпели всегда есть, вотъ и средствъ достаточно для изслѣдованія подчелюстной области.

Приступая къ самому предмету, мы вдругъ узнаемъ, что дѣло вовсе не идетъ о подчелюстной области, а большая половина сочиненія касается вопросовъ совѣмъ постороннихъ: заворотъ языка назадъ, Флейшманова сумочка, подъязычная опухоль,—словомъ выходитъ сочиненіе «de rebus eunctis et quibusdam aliis». И какой оригинальный взглядъ на эти вопросы?

1. «Заворотъ языка назадъ будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе напоръ вдыхаемаго воздуха на основаніе языка» (стр. 21). До сихъ поръ полагали, что вдыхаемый воздухъ идетъ носомъ въ дыхательные органы; авторъ полагаетъ, что онъ давитъ на основаніе языка и только. Должно быть оперируемому закрываютъ герметически носъ и кромѣ того защищаютъ верхушку языка отъ напора воздуха—что-ли? «уничтожается связь языка со всѣми слизистыми и фиброзными перепонками» (стр. 21)—не ясно и непонятно; это случается при анатомическихъ занятіяхъ, или же при хирургическихъ операціяхъ? Какія тутъ *все* слизистыя перепонки? Далѣе «чрезмѣрная толщина языка» (стр. 22)—по какому измѣренію не сказано. Языкъ какъ мягкій органъ всегда измѣнчивъ.

2. Подъязычная сумочка Флейшмана (стр. 26). Отвергать анатомическій фактъ, приведенный кѣмъ-нибудь, какъ это дѣлаетъ авторъ съ этимъ предметомъ, говоря: (стр. 26) «мы на этотъ вопросъ смѣло отвѣчаемъ отрицательно»—это можно принять отъ опытныхъ анатомовъ, повѣряющихъ добросовѣстно своими многолѣтними изслѣдованіями осторожно высказанное мнѣніе. Quod licet Jovi, non licet.... Все остальное въ этомъ заглавіи пустое фразерство, безъ всякихъ данныхъ, даже безъ разсудка, въ особенности стр. 29 и слѣд.

3. Подъязычная железа (стр. 36). Авторъ распространяется объ этомъ предметѣ, какъ о новости, показанной ему Gujon'омъ. Нѣтъ анатоміи, напечатанной въ послѣдніе 3—4 года, даже болѣе этого срока, гдѣ бы этотъ предметъ не былъ вполне описанъ, гораздо подробнѣе, чѣмъ знаетъ авторъ. Конечно, для него не стоитъ, чтобы обратить вниманіе на литературу. Далѣе «замѣтимъ еще, что это отверстіе чрезвычайно мало» (Бартолинова протока, стр. 39). Что значить мало? Какой размѣръ, какую мѣрку прилагаетъ авторъ къ отверстіямъ протоковъ слюнныхъ железъ? «а такъ какъ подъязычная киста имѣетъ стѣнки тоненькія, поэтому она не принадлежитъ къ гигромамъ» (стр. 29). Подобная чепуха наполняетъ и слѣдующія страницы при описаніи дольчатыхъ зеренъ отдѣльныхъ железъ, которыхъ устройство авторъ навѣрно не знаетъ, потому что онъ требуетъ гистологической рутинѣ и опытности.

4. Подъязычная опухоль (стр. 40—50). Все старые извѣстные факты, ни одного собственнаго наблюденія нѣтъ, даже приведенные не вполне

описаны (напр. *ranula hydatidosa*, стр. 49). Кромѣ того исчисленіе не полно: ни слова не упоминается о *Cysticercus*, *Colloid*, *Dermoid-cystis* и *Meliceris*.

Не смотря на многочисленныя, утомительныя повторенія въ этихъ 3-хъ отдѣленіяхъ сочиненія, авторъ удѣлил имъ въ ущербъ своей задачѣ несоразмѣрное пространство, забывши при этомъ, что эти предметы вовсе не принадлежать въ подчелюстную область. Возвращаясь къ этой задачѣ, онъ вновь повторяетъ и постоянно ссылается на сказанное, повидимому, только для того, чтобы вышло больше написанной бумаги. Во всемъ этомъ, такъ называемомъ сочиненіи, бросается въ глаза непростительная неурядица, напр. въ текстѣ выставлены въ скобкахъ числа (1) (2) для показанія источниковъ, а эти послѣдніе нигдѣ не отмѣчены (стр. 4, 43, 45 и проч.). Рукопись не была прочитана авторомъ, какъ будто съ тѣмъ убѣжденіемъ, что и не стоитъ того. Анатомическія небылицы, какъ напр. *a. s. v. facialis* (стр. 33); венозная *вѣтвь языка* (стр. 57); жировая сумочка (10), вмѣсто слюнныхъ мѣшки и проч. Грамматическія ошибки, какъ *inter mylohyoideus et hyoglossus* (стр. 35), *ranula hydatitosa* (41), слоемъ *подкожной* клѣтчатки (48), вмѣсто подслизистой; *gygroma sublingualis* (41).

Неточность въ описаніи высказывается въ особенности въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ напр. опухоль имѣла *довольно значительный* объемъ (стр. 44), или даже: «разрѣзъ продолжается до большаго рожка подъязычной кости на 2—3 выше послѣдней» (стр. 66). Чего? Линій? Миллиметры или дюймы? или «такъ какъ *in regione pterygo-maxillari* находится *множество* важныхъ сосудовъ и нервовъ» (стр. 71). Какихъ именно?—«треугольное пространство» (стр. 14) въ какомъ направленіи?

5. Подчелюстная область, существенная часть сочиненія, описана неудовлетворительно и не полно, не смотря на частыя повторенія и ссылки, которыми авторъ наскучилъ самъ себѣ вслѣдствіе необдуманности и безпорядка при рѣшеніи задачи. Такъ, напр., ни разу не припоминается обь *a. et v. submentalis*, *nerv. mylohyoideus*, не сказано ничего о подъязычной ямкѣ (*fossa subauricularis*, *s. retro-maxillaris*), хотя постоянныя отношенія къ соннымъ артеріямъ (*carotides*), проходящимъ въ этой области, въ которой хирургъ предпринимаетъ операцію, какъ же можно вдругъ остановиться и сказать, что (стр. 67) «*съ одной стороны нервъ и вена—съ другой—глубина раны и разбухшія волокна hyoglossi*, такъ похожія на сосудистыя *вѣтви* (Чего?) побудили оператора направить дѣйствія ближе къ выходу ея (*a. lingualis*) изъ *carotis*». Развѣ такія обстоятельства непредвидѣны? А если не то, а они постоянны, нормальны, но непреодолимы, то натурально не слѣдуетъ въ нихъ оперировать. На стр. 68 въ замѣткѣ (1): «Успѣхъ обѣихъ операций былъ полный». Въ чемъ состоялъ полный успѣхъ, это авторъ не считаетъ достойнымъ описанія. Наконецъ,

авторъ предлагаетъ новый способъ *resectionis nervi lingualis*. Если бы онъ прочелъ анатомію Лушки (*Luschka*), онъ бы зналъ анатомію шеи (не смотря на литературу), ему не случилось бы выпустить изъ виду при этой операци *a. submentalis, musc. mylohyoideus* и *gland. sublingualis*, о которыхъ онъ не упоминаетъ ни слова. Г. д-ръ Финкельштейнъ явился въ прошедшемъ году съ сочиненіемъ для полученія званія доцента анатоміи. Сочиненіе было признано мною достаточнымъ, но факультетъ возвратилъ его кандидату съ тѣмъ, чтобы сочиненіе *дополнено было истологическимъ изслѣдованіемъ*. Въмѣсто дополненія перваго сочиненія, кандидатъ представляетъ сочиненіе новое, по другому предмету и потому я считаю пристойнымъ свести результатъ моихъ разсужденій въ параллельное заключеніе. Поэтому можно сказать, что

въ сочиненіи 1862 года:

1. Авторъ имѣлъ предъ собою предметъ конкретный, отъ котораго не удалялся.

2. Предметъ мало извѣстный по рѣдкости и важности, заслуживающій публикаціи.

3. Литературные источники ему были извѣстны и какъ слѣдуетъ употреблены.

4. Выводы были пояснены рисунками, какъ этого анатомическій предметъ требуетъ.

въ сочиненіи 1863 года:

1. Авторъ разгуливаетъ въ различныхъ разсужденіяхъ, собственно безъ предмета.

2. (По его словамъ) ничего новаго не выводитъ.

3. Литературы знать не хочетъ.

4. Рисунками ничего не поясняетъ.

Желая получить званіе доцента *хирургіи*, кандидатъ, по моему мнѣнію, могъ бы быть полезнымъ для медицинскаго факультета, если бы оказался способнымъ для преподаванія какой-нибудь вѣтви науки, за исключеніемъ клинической и оперативной хирургіи, для которыхъ уже существуютъ двѣ кафедры. Такія вѣтви, которыми занимаются обыкновенно доценты, суть: *Desmurgia, Orthopedia, Laryngoscopia, Ophthalmiastica, Ophthalmoscopia*, — науки, заслуживающія дѣйствительно специальныхъ преподавателей. Сочиненіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не только не входитъ въ разрядъ этихъ специальностей, но и недостаточно само по себѣ. Факультетъ, выслушавши мнѣніе Лямбля и обсудивъ достоинства сочиненія, нашелъ его неудовлетворительнымъ и при баллотировкѣ Финкельштейна въ приватъ-доценты оказалось избирательныхъ 1 неизбирательныхъ 4 балла. Совѣтъ университета отказалъ Финкельштейну въ искомомъ званіи.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 17 мая того же года заслушано было въ числѣ другихъ и мнѣніе проф. Лямбля о сочиненіяхъ

Зеленскаго и Горецкаго, конкурировавшихъ на кафедре семіотики и терапевтической клиники и кромѣ того Лямблемъ представлена оцѣнка пробныхъ лекцій, прочитанныхъ Зеленскимъ. Хотя факультетъ, обсудивъ достоинство кандидатовъ, и отдалъ предпочтеніе Горецкому, однакожъ оба кандидата въ засѣданіи Совѣта забаллотированы и конкурсъ на кафедре терапевтической клиники продолженъ до 1-го января 1864 года.

29 мая того-же года въ засѣданіи медицинскаго факультета имѣли сужденіе о кандидатахъ на кафедре судебной медицины и медицинской полиціи, Бергъ и Альбертъ Питра, при чемъ выслушано было мнѣніе проф. Лямбля о сочиненіяхъ обоихъ кандидатовъ. По окончаніи сужденія о достоинствахъ кандидатовъ, факультетъ остановился на Альбертѣ Самойловичѣ Питра, какъ достойномъ кандидатѣ. А. С. Питра въ засѣданіи совѣта 8 іюня большинствомъ голосовъ былъ выбранъ въ экстраординарные профессора и впослѣдствіи утвержденъ въ этомъ званіи.

Въ засѣданіе медицинскаго факультета 5 іюня проф. Лямбль снова вошелъ съ слѣдующимъ рапортомъ: «Имѣя при себѣ одного только прозектора съ помощникомъ, я лишень необходимой помощи для наиболѣе успѣшнаго преподаванія всѣхъ частей анатоміи и по неволѣ принужденъ бываю ограничить демонстративное преподаваніе. Поэтому я прошу факультетъ представить Совѣту университета о необходимости назначить при кафедрѣ анатоміи еще одного помощника или ассистента съ званіемъ и правами прозектора. Обращаю вниманіе факультета на то, что въ другихъ университетахъ труды по преподаванію анатоміи, лежащіе на мнѣ одномъ, раздѣлены между двумя, или даже тремя преподавателями». На этотъ разъ факультетъ вполне согласился съ Лямблемъ и хлопоталъ предъ Совѣтомъ о назначеніи ему еще прозектора, но Совѣтъ сужденіе по этому предмету отложилъ до введенія новаго университетскаго устава.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года проф. Лямбль получилъ отдѣльный гонораръ, въ количествѣ 571 р. 84 коп., за чтеніе патологической анатоміи въ 1862—63 акад. году.

2 сентября 1863 года медицинскій факультетъ вошелъ съ представленіемъ въ Совѣтъ университета слѣдующаго содержанія:

«Медицинскій факультетъ уже неоднократно входилъ въ Совѣтъ съ ходатайствомъ о расширеніи преподаванія анатоміи, какъ предмета, составляющаго совмѣстно съ фізіологіею необходимую основу, безъ которой занятія собственно медицинскими науками не могутъ образовать научно-развитыхъ медиковъ; вслѣдствіе этихъ представленій, предоставлено было факультету замѣстить одно изъ имѣющихся адъюнктскихъ, а нынѣ доцентскихъ мѣстъ, адъюнктомъ по патологической анатоміи. Нынѣ факультетъ, на основаніи § 23 Б. 4. Высочайше утвержденнаго устава

университетовъ, рѣшилъ обратиться въ Совѣтъ университета съ слѣдующимъ:

«Обладая въ особѣ проф. Лямбля ученымъ, труды котораго по патологической анатоміи имѣютъ европейскую извѣстность, и который, какъ уже было доведено до свѣдѣнія Совѣта университета, согласился принять на себя преподаваніе патологической анатоміи, факультетъ не имѣетъ болѣе основанія искать доцента по патологической анатоміи. Съ принятіемъ проф. Лямблемъ преподаванія патологической анатоміи факультетъ достигъ наконецъ давно желаннаго расширенія преподаванія этой науки, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ потерялъ преподавателя по описательной анатоміи, чтеніе которой онъ вынужденнымъ нашелся поручить временно проз. Вилкомирскому. Желая наконецъ имѣть постоянного преподавателя, которому могло бы быть поручено преподаваніе физиологической анатоміи, факультетъ обращается въ Совѣтъ университета съ ходатайствомъ объ открытіи конкурса на мѣсто доцента при каѳедрѣ физиологической анатоміи». При этомъ приложена программа конкурса, составленная проф. Лямблемъ, и назначенъ срокъ конкурса, а именно 1-го марта 1864 года.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ проф. Лямбль два раза былъ назначенъ официальнымъ оппонентомъ при защитахъ диссертаций на доктора медицины, а именно: 8 сентября лѣкаремъ Николаемъ Склифасовскимъ, подъ названіемъ «О кровяной околوماتочной опухоли (Haematocele retrouterina)» и 29 сентября лѣкаремъ Юліемъ Газенъ-Егеромъ, подъ названіемъ «О резекціи верхней и нижней челюсти».

30 ноября 1863 года Д. О. Лямбль участвовалъ въ комиссіи, составленной изъ нѣсколькихъ профф. медицинскаго факультета и члена Врачебной управы Ковальчукова, съ цѣлью освидѣтельствованія, по предложенію Ректора университета, проф. А. П. Зернина и опредѣленія способности его къ дальнѣйшему продолженію службы.

На объявленный конкурсъ на каѳедру терапевтической клиники, срокъ котораго окончился 1-го января 1864 года, явились три кандидата: Коссинскій, Клементовскій и Рейеръ. Такъ какъ Коссинскій не выполнилъ вполнѣ условій конкурса, то поэтому обсужденію подвергались только два кандидата, Клементовскій и Рейеръ. Для оцѣнки достоинствъ кандидатовъ факультетъ предложилъ профф. Щелкову, Демонси, Грубе и Лямблю представить отзывы объ ихъ печатныхъ трудахъ. На долю Лямбля пришлось писать отзывы о двухъ статьяхъ Клементовскаго: 1) «Нѣсколько словъ о слюнотеченіи, встрѣчающемся при ртутномъ леченіи сифилитической болѣзни» и 2) «Кликушки» и о двухъ трудахъ Рейера: 1) *De rationibus compensantibus in corde aegroti*. 2) *Zur Frage der Erzeugung von Endo-*

carditis durch Milch-Säure-Injection in die Peritonealhöhle von Thieren». Отзвыы эти напечатаны въ протоколахъ засѣданія Совѣта Императорскаго Харьковскаго университета за 1864 г. № 3.

Кромѣ того во время сужденія факультета о замѣщеніи каѳедры терапевтической клиники, проф. Лямбль вошелъ съ предложеніемъ на эту каѳедру еще двухъ кандидатовъ: Богуланла Ивановича Эйзельта, старшаго врача при отдѣленіи грудныхъ болѣзней въ большемъ Пражскомъ госпиталѣ, и доктора Смолера, профессора патологіи въ Инспрукѣ, при этомъ проф. Лямбль, кромѣ краткаго curriculum vitae каждаго изъ кандидатовъ, перечислить научные труды каждаго изъ нихъ и представить оцѣнку степени подготовки ихъ къ занятію каѳедры терапевтической клиники. Одновременно съ Лямблемъ и проф. Грубе рекомендовалъ факультету д-ра Стадіона на ту же каѳедру. Факультетъ поручилъ проф. Лямблю представить мнѣніе о печатныхъ трудахъ Стадіона: 1) *Symbola quaedam ad processus endosmotici cognitionem*. 2) *Zur toxischpharmacodynamischen Wirkung des Sublimats*. 3) О дѣйстви дигиталина. 4) Ветунительная лекція по общей терапіи и фармакологіи. 5) Отчетъ о заграничномъ путешествіи. Всѣ письменныя мнѣнія Лямбля объ Эйзельтѣ, Смолерѣ и Стадіонѣ, представленные въ медицинскій факультетъ, напечатаны въ протоколѣ засѣданія Совѣта Императорскаго Харьковскаго университета за 1864 годъ, № № 3 и 4.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 г. составлена была комиссія для осмотра и изслѣдованія минеральныхъ водъ въ имѣніи губер. секретаря Сукачева, въ хуторѣ «Березовомъ», находящемся въ Валковскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ 22 верстахъ отъ г. Харькова. Комиссія состояла изъ г.г. профф. Грубе, Лямбля, Лазаревича, Борисяка, Н. Бекетова и члена врачебной управы д-ра Котелевскаго. Комиссія представила подробное описаніе минеральныхъ водъ, которыя по химическому составу относятся къ желѣзистымъ источникамъ и сходны съ водами Спа.

14 марта 1864 года проф. Лямбль донесъ факультету: «Вслѣдствіе циркулярнаго объявленія, что съ 1867 года каѳедры патологической и микроскопической анатоміи будутъ отдѣлены, имѣю честь донести, что на эти двѣ каѳедры потребуется для первоначальнаго обзаведенія слѣдующая сумма: 1) на каѳедру патологической анатоміи 1000 руб. для приобрѣтенія натуральныхъ и искусственныхъ препаратовъ, инструментовъ, банокъ и разной стеклянной посуды и другихъ необходимыхъ вещей; 2) на каѳедру микроскопической анатоміи 500 руб. для приобрѣтенія микроскопическихъ препаратовъ и инструментовъ. Вслѣдствіе объявленнаго конкурса на мѣсто доцента фізіологической анатоміи явились къ назначенному сроку три претендента: И. О. Вилкомирскій, А. Финкель-

штейнъ и И. К. Вагнеръ. Факультетъ поручилъ проф. Лямблю рассмотреть научные труды всѣхъ трехъ кандидатовъ и представить о нихъ письменное мнѣніе. Такое мнѣніе Лямбля было заслушано въ факультетѣ 27-го, а въ Совѣтѣ 28 апрѣля и напечатано въ протоколахъ засѣданій Совѣта университета за 1864 г. № 4. Въ своемъ мнѣніи проф. Лямбль изъ трехъ кандидатовъ предпочелъ И. К. Вагнера, который впослѣдствіи былъ выбранъ Совѣтомъ и утвержденъ въ этой должности г. попечителемъ учебнаго округа.

Въ засѣданіи 19-го мая 1864 г. Совѣтъ университета выразилъ свою признательность проф. Лямблю за чтеніе лекцій въ 1863—64 академ. году по вакантнымъ каедрѣмъ.

Вслѣдствіе рекомендаціи Н. И. Пирогова Министерству Нар. Просв. молодого русскаго ученаго, работавшаго въ это время за границею Н. А. Хржонщевскаго, какъ дѣльнаго и хорошо подготовленнаго преподавателя, Министерство предложило Харьковскому медицинскому факультету, не найдетъ-ли онъ возможнымъ предоставить г. Хржонщевскому мѣсто штатнаго доцента по предмету патологической анатоміи. Въ виду того, что кафедра патологической анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ была обезпечена преподавателемъ, а именно проф. Лямблемъ, то поэтому факультетъ предположилъ пригласить Н. А. Хржонщевскаго доцентомъ общей патологіи и гігіены, если онъ на это выразитъ свое согласіе; но предварительно факультетъ поручилъ проф. Лямблю рассмотреть сочиненія Хржонщевскаго и представить о нихъ свое мнѣніе. Мнѣніе это (напечатанное въ протокол. засѣд. Совѣта университета за 1864, № 10) прочитано было въ засѣданіи 17 декабря медицинскаго факультета, а затѣмъ и въ засѣданіи Совѣта. Рецензія Лямбля касалась извѣстныхъ трехъ работъ Хржонщевскаго, относительно строенія легкихъ, печени и почекъ.

Въ концѣ своей рецензіи проф. Лямбль сказалъ: «я считаю долгомъ засвидѣтельствовать полное признаніе научной цѣнности упомянутыхъ трехъ сочиненій д-ра Хржонщевскаго». Послѣ полученнаго согласія отъ Хржонщевскаго на занятіе кафедры общей патологіи и гігіены, онъ былъ избранъ въ факультетъ и Совѣтъ и утвержденъ г. попечителемъ учебнаго округа.

27 ноября 1864 г. Государь Императоръ Всемилоостивѣйше изволилъ наградить проф. Лямбля орденомъ Св. Анны 2 степени.

Въ засѣданіи 19-го января 1865 г. Совѣтъ университета опредѣлилъ: просить ординарнаго проф. Лямбля, впредь до вступленія въ должность опредѣленнаго на кафедру терапевтической клиники доктора Эйзельта, принять на себя исполненіе обязанностей по этой кафедрѣ, на что проф. Лямблемъ и изъявлено согласіе.

20 января того же года проф. Лямбль выступалъ въ качествѣ официальнаго оппонента при защитѣ лѣкаремъ Павловымъ-Сильванскимъ докторской диссертациі «О наружной уретротоміи».

Въ маѣ того-же года проф. Лямбль два раза былъ назначаемъ официальнымъ оппонентомъ при защитахъ докторскихъ диссертаций: 5 мая лѣкаремъ Величко «О сущности и происхожденіи зернистаго состоянія соединительной оболочки» и 9-го мая лѣкаря Соловейчика «О сухой сифилитической костоѣдѣ черепа».

Въ засѣданіи Совѣта 4 мая того же года медицинскій факультетъ донесъ, что избранный на кафедру терапевтической клиники д-ръ Эйзельтъ отказался и что на эту кафедру проф. Станкевичъ предложилъ въ кандидаты доцента университета Св. Владиміра Горецкаго, а проф. Зарубинъ д-ра Деньковского, что послѣдній, какъ лицо мало извѣстное факультету не могъ быть подвергнутъ баллотировкѣ въ факультетъ, какъ не читавшій пробныхъ лекцій, и что при баллотировкѣ Горецкаго оказалось 7 избирательныхъ голосовъ и одинъ не избирательный. Сочиненія Горецкаго предварительно, разумѣется, были разсмотрѣны факультетомъ. Кромѣ того факультетъ донесъ Совѣту, что проф. Лямбль заявилъ, что въ случаѣ незамѣщенія кафедры терапевтической клиники кѣмъ либо изъ вышеозначенныхъ кандидатовъ, онъ желаетъ занять это мѣсто, оставивъ кафедру анатоміи, теперь имъ занимаемую. На основаніи такого донесенія факультета, Совѣтъ университета въ засѣданіи 18 мая произвелъ баллотировку Горецкаго и Лямбля, при чемъ у перваго оказалось избирательныхъ 10 и неизбирательныхъ 14, а у втораго избирательныхъ 11 и неизбирательныхъ 13 балловъ.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 31 мая, проф. Лямбль, по порученію факультета, читалъ рецензію на статью Деньковского. «Объ участіи эпителія почекъ въ новообразовательныхъ процессахъ». (Рецензія напечатана въ проток. засѣд. Совѣта университета за 1865 г. № 5).

21 сентября 1865 факультетомъ и Совѣтомъ поручено проф. Лямблю завѣдываніе терапевтической клиникой въ первомъ полугодіи 1865—66 акад. года.

21 февраля 1866 года проф. Лямбль, по случаю смерти помощ. прозектора Гумбурга, предложилъ на это мѣсто Харьковскаго младшаго городского врача Фердинанда Гана, который и былъ избранъ единогласно въ факультетъ и Совѣтъ и утвержденъ г. попечителемъ.

1 мая того-же года проф. Лямбль вошелъ съ прошеніемъ въ факультетъ слѣдующаго содержанія: «Всемирная выставка, какъ парижская 1855 г., такъ и лондонская 1862 г. заключали, какъ извѣстно, особенный отдѣлъ предметовъ, относящихся къ медицинскимъ наукамъ, а именно: къ антро-

пологін, сравнительной анатоміи и анатоміи челоуѣка, гистологін и анатомической техники, фармаціи, общей и частной гигиенѣ, устройству больницъ, водолѣчебныхъ и т. п. заведеній, хирургіи и ортопедіи. На вышеупомянутыхъ выставкахъ присутствовать я въ качествѣ официалнаго референта и представилъ своевременно печатные отчеты обо всѣхъ предметахъ, относящихся къ медицинѣ. Желая расширить кругъ своихъ познаній и надѣясь извлечь значительную пользу для преподаваемыхъ мною предметовъ, я намѣренъ отправиться и въ будущемъ году на всемірную выставку въ Парижъ и прошу покорно медицинскій факультетъ исходатайствовать мнѣ командировку для этой цѣли на четыре мѣсяца, т. е. съ 1 мая до конца августа мѣсяца. При этомъ позволяю себѣ замѣтить, что цѣль моей поѣздки имѣла-бы еще больше значенія и результаты ея сдѣлались-бы общепользными, если-бы мнѣ было возможно представить весь объемъ упомянутыхъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія медиковъ и натуралистовъ, въ полномъ отчетѣ, въ сравнительной съ прежними выставками оцѣнкѣ, опредѣляющей разныя усовершенствованія по отдѣльнымъ отраслямъ науки. Но такъ какъ для этой обширной задачи требуются большія средства и усердное занятіе исключительно по этому дѣлу и такъ какъ, можетъ быть, не имѣется въ виду другой личности, достаточно опытной и вмѣстѣ съ тѣмъ готовой посвятить свободное время подобному труду, то, если медицинскій факультетъ находитъ, предлагаемый мною, разборъ полезнымъ, для науки и для практической медицины, покорно прошу: 1) довести до свѣдѣнія г. Министра Народнаго Просвѣщенія о моей готовности заняться добросовѣтнымъ отчетомъ о медицинскихъ предметахъ на парижской выставкѣ и 2) ходатайствовать о выдачѣ мнѣ пособія въ 1000 руб. изъ суммъ, отпускаемыхъ для этой цѣли». Факультетъ положилъ ходатайствовать, Совѣтъ-же подвергнулъ баллотировкѣ командировку Лямбля на всемірную выставку въ Парижъ, при чемъ получилось избирательныхъ 9 и неизбирательныхъ тоже 9 балловъ, поэтому ходатайство со стороны Совѣта никакого ни воспослѣдовало. Проф. Лямбль на свой счетъ поѣхалъ на парижскую выставку.

5 апрѣля того-же года проф. Лямблемъ составлена, по порученію факультета, программа конкурса для лицъ, желающихъ занять должность прозектора патологической анатоміи. Программа эта напечатана въ протоколъ Засѣд. Совѣта Харьк. университета за 1866 г. № 4.

22 апрѣля того-же года проф. Лямбль вошелъ съ слѣдующимъ докладомъ въ медицинскій факультетъ:

«Приступая къ обсужденію проекта объ учрежденіи особенныхъ отдѣленій въ земской больницѣ для учебной цѣли, медицинскій факультетъ вѣроятно найдетъ полезнымъ и удобоисполнимымъ присоединить къ этому

проекту слѣдующія предложенія, относительно болѣе успѣшнаго преподаванія патологической анатоміи, о которыхъ честь имѣю донести для совокупнаго съ упомянутымъ проектомъ обсужденія и надлежащаго распоряженія.

1) *Вскрытія* умершихъ въ земской больницѣ предоставляются профессору патологической анатоміи и производятся имъ, или его прозекторомъ, въ присутствіи старшаго врача, профессора и студентовъ.

2) Для правильнаго производства вскрытій и связанныхъ съ таковымъ изслѣдованіемъ профессоръ пользуется назначеннымъ для того *помѣщеніемъ и прочими пособіями*, доставляемыми, какъ и прежде, администраціею больницы.

3) Протоколы, составляемые во время вскрытій, записываются въ шнуровую книгу и хранятся въ архивѣ больницы.

4) Извлеченія изъ протоколовъ, необходимыя для годичнаго отчета, составляетъ профессоръ и передаетъ въ извѣстный срокъ въ медицинскій совѣтъ Земской Управы.

5) Препараты, получаемые при вскрытіяхъ, поступаютъ въ собственность кабинета патологической анатоміи при университетѣ. Право на научное употребленіе учебнаго матеріала, именно препаратовъ и протоколовъ, дѣлается для постороннихъ лицъ зависящимъ отъ соглашенія на это профессора.

6) Подробныя отношенія профессора къ должностнымъ лицамъ больницы опредѣляются медицинскимъ совѣтомъ земской больницы. Согласно съ этимъ докладомъ впослѣдствіи производились патолого-анатомическія вскрытія въ земской больницѣ профессоромъ Лямблемъ или его ассистентомъ Башинскимъ.

По порученію факультета проф. Лямбль вмѣстѣ съ проф. Вагнеромъ составили инструкцію объ обязанностяхъ прозектора и его помощника. Инструкція эта представлена въ факультетъ 27-го августа 1866 года.

20 декабря 1866 г. медицинскій факультетъ обратился съ просьбой въ Совѣтъ ходатайствовать объ открытіи каѳедры патологической анатоміи, включенной уставомъ въ число каѳедръ медицинскаго факультета, и о перемѣщеніи проф. Лямбля ордин. профессоромъ по этой каѳедрѣ и объ утвержденіи доцента Вагнера доцентомъ физиологической анатоміи. При этомъ факультетъ добавилъ, что Лямбль, при баллотировкѣ въ факультетъ на каѳедру патологической анатоміи, получилъ избирательныхъ 6, а неизбирательныхъ ни одного балла. На основаніи предложенія факультета Совѣтъ университета въ засѣданіи 14 января 1867 г. баллотировалъ проф. Лямбля на каѳедру патологической анатоміи, при чемъ оказалось избират. 18 и неизбир. 1 баллъ, по этому положили ходатайствовать объ учрежденіи каѳедры патологической анатоміи и объ утвержденіи

проф. Лямбля профессоромъ этой каѳедры, Вагнеру же поручить преподаваніе физиологической анатоміи. Утвержденіе Лямбля и Вагнера воспо- слѣдовало 1-го апрѣля 1867 г.

Въ 1850 г. по опредѣленію Совѣта напечатано на казенный счетъ въ количествѣ 400 экземпляровъ, сочиненіе проф. Нарановича «Анатомія человѣческаго тѣла» съ тѣмъ, чтобы, за выдачею 25 экземпляровъ автору, остальные 375 экземпляровъ обратить въ продажу и на полученные деньги приобрести для студенческой библіотеки анатомическіе сочиненія и атласы. Въ 1867 г. отъ продажи означеннаго сочиненія собрано 181 р. 50 коп. и правленіе просило медицинскій факультетъ составить списокъ сочиненій и атласовъ анатомическихъ, которые возможно бы было приобрести за означенную сумму. Медицинскій факультетъ поручилъ это дѣло проф. Лямблю, который и составилъ требуемый списокъ, но при этомъ прибавилъ, что такъ какъ весною этого года онъ ѣдетъ за границу, то онъ будетъ имѣть возможность приобрести многія изъ предполагаемыхъ къ покупкѣ изданій антикварно, что будетъ гораздо выгоднѣе для университета. Факультетъ и Совѣтъ согласились съ предложеніемъ проф. Лямбля и поручили ему купить книги у антикваровъ за границей.

3-го марта 1867 года проф. Лямбль сдѣлалъ представленіе въ факультетъ объ оставленіи лѣкаря Митрофана Попова стипендіатомъ университета для спеціальнаго изученія патологической анатоміи. Представленіе это принято факультетомъ и Совѣтомъ. Поповъ оставленъ стипендіатомъ.

На конкурсъ, объявленный Совѣтомъ университета, на должность профессора патологической анатоміи, срокъ котораго окончился 1-го января 1867 года, явились два соискателя: доктора Шварцъ и Ганъ. Оба конкурента выполнили требованія конкурса; кромѣ представленныхъ сочиненій, они прочитали пробныя лекціи и произвели вскрытія труповъ. Факультетъ поручилъ профессорамъ Лямблю и Питрѣ 1-му представить о конкурентахъ письменныя мнѣнія.

Лямбль доставилъ въ факультетъ письменное мнѣніе о слѣдующихъ сочиненіяхъ Шварца: 1) «Современное состояніе вопроса о всасываніи кожей», 2) «Сравнительно-гистологическія наблюденія надъ кожей», 3) «Нѣсколько фактовъ въ пользу ученія о существованіи и значеніи системы соконосныхъ каналовъ», и 4) «Объ отношеніи нервовъ и сосудовъ къ сосочкамъ кожи». Вмѣстѣ съ этимъ представлена критическая оцѣнка двухъ, лекцій прочитанныхъ Шварцомъ, произведеннаго имъ вскрытія и налитаго имъ препарата почки. Одновременно профессоръ Лямбль представилъ письменное мнѣніе о лекціяхъ Гана, произведенномъ имъ вскрытіи и приготовленнаго микроскопическаго препарата изъ налитой

имъ самимъ (двойная инъекція) почки, а также и разборъ рукописной работы «Пузырчатый глисть въ человѣческомъ сердцѣ».

Письменное мнѣніе Лямбля напечатано въ протоколахъ засѣданій Совѣта университета за 1867 годъ, № 3. Въ своемъ мнѣніи проф. Лямбль отдалъ предпочтеніе (равно какъ и проф. Питра 1-й) кандидату Гану, который и выбранъ былъ въ факультетъ и Совѣтъ, а затѣмъ и утвержденъ г. попечителемъ въ должности прозектора патологической анатоміи.

Вслѣдствіе назначенія Гана прозекторомъ патологической анатоміи, освободилось мѣсто помощника прозектора при кафедрѣ нормальной анатоміи и на эту должность проф. Лямбль представилъ 5 мая 1867 года степендіата при кафедрѣ патологической анатоміи лѣкаря Митрофана Попова, который былъ затѣмъ избранъ факультетомъ и Совѣтомъ и утвержденъ г. попечителемъ въ этой должности 10-го октября того же года.

Въ засѣданіе Совѣта 19 декабря проф. Лямбль представилъ при рапортѣ анатомическіе препараты, пожертвованные Харьковскому университету проф. Падунскаго университета Брунетти. Препараты эти приготовлены по новому способу, изобрѣтеніемъ котораго г. Брунетти обратилъ на себя вниманіе всего ученаго міра на парижской всемірной выставкѣ и удостоенъ за это изобрѣтеніе первой медали и 5000 франковъ награды, при этомъ проф. Лямбль представилъ отдѣльный отчетъ о препаратахъ Брунетти. Совѣтъ положилъ: 1) О принятіи пожертвованныхъ препаратовъ и занесеніи въ матеріальную книгу просить правленіе сдѣлать надлежащее распоряженіе. 2) Изъявить г. Брунетти благодарность Совѣта за сдѣланное имъ приношеніе университету. 3) Отчетъ проф. Лямбля напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ совѣтскихъ засѣданій. 4) Затѣмъ члены Совѣта въ выраженіе высокаго уваженія своего къ заслугамъ проф. Брунетти, положили избрать его въ почетные члены университета, для чего и произвести баллотированіе и затѣмъ просить г. попечителя ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ удостоеніи Брунетти почетной награды. Въ засѣданіи Совѣта 23 января проф. Брунетти былъ избранъ единогласно въ почетные члены университета. Въ теченіе всего 1867 года проф. Лямблемъ потрачено много времени и силъ на возстановленіе своихъ правъ, какъ профессора патологической анатоміи, безцеремонно нарушенныхъ профессоромъ Л. А. Маровскимъ. Проф. Лямблю пришлось по неволѣ призвать товарища по службѣ къ порядку и даже больше научнымъ путемъ доказывать некомпетентность проф. Маровскаго въ патологіи человѣческаго организма и діагностики болѣзней. Безпримѣрное, въ исторіи Харьковскаго университета, дѣло проф. Маровскаго, окончилось для послѣдняго довольно печально; его попросили удалиться съ занимаемаго имъ поста профессора по кафедрѣ

терапевтической клиники *по некомпетентности*, признанной медицинским факультетом и Совѣтомъ. Несмотря на то, что въ 1867 году протоколы Совѣта печатались, дѣло о Маровскомъ не попало въ печать. Въ виду большого интереса самаго дѣла, породившаго не только въ Харьковѣ, но и въ другихъ русскихъ университетскихъ городахъ много разнорѣчивыхъ толкованій и притомъ далеко не всегда вѣрныхъ, набрасывающихъ тѣнь не только на отдѣльныя личности, но даже на цѣлую ученую корпорацію, я нахожу необходимымъ передать это *дѣло какъ есть*, основываясь исключительно на документахъ, хранящихся въ архивѣ Харьковского университета. Другая и главная побуждающая причина привести здѣсь дѣло о Маровскомъ in extenso заключается въ томъ, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ проф. Лямбль, какъ главный боецъ и двигатель дѣла. Цѣлый рядъ мнѣній и научныхъ доказательствъ, высказанныхъ Лямблемъ въ этомъ дѣлѣ могутъ быть полезны и поучительны и на будущее время.

Дѣло о профессорѣ Л. А. Маровскомъ.

Въ частномъ засѣданіи медицинскаго факультета 11-го марта 1867 года, вслѣдствіе рапорта проф. Лямбля, разсуждали по поводу § 83 положеній о клиникахъ, трактующемъ о вскрытіи клиническихъ труповъ и положили «исполнять § 83 клиническаго устава впредь до измѣненія его въ законномъ порядкѣ». 15 марта того же года директоръ терапевтической клиники проф. Маровскій вошелъ въ медицинскій факультетъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія:

«По поводу § 83 новыхъ клиническихъ положеній, а именно: «Трупы умершихъ въ клиникѣ вскрываются въ присутствіи директора той клиники, въ которой умеръ больной, профессоромъ патологической анатоміи, а найденные при вскрытіи патологическіе препараты составляютъ собственность патологической анатоміи», встрѣтились въ медицинскомъ факультетѣ недоразумѣнія. Оказалось, что параграфъ этотъ недостаточно опредѣленъ и весьма не точно выясняетъ отношеніе патологической анатоміи къ клиническому преподаванію. Необходимо рѣшить слѣдующіе вопросы:

1) Считать-ли больныхъ, пользуемыхъ въ клиникахъ вполне научнымъ матеріаломъ профессора клиники, которымъ онъ можетъ воспользоваться въ самомъ обширномъ размѣрѣ для выясненія истины и обученія студентовъ, или же больной послѣ смерти переходитъ вполне въ вѣдѣніе только лишь патолого-анатома въ ущербъ химическому и гистологическому изслѣдованію тканей и жидкостей?

2) Можно-ли дозволить, чтобы всѣ найденные при вскрытіи патологическіе препараты, *во всѣхъ случаяхъ*, составляли собственность кабинета патологической анатоміи, или можетъ быть встрѣтятся случаи, когда этого по социальнымъ отношеніямъ клиникъ сдѣлать нельзя, и не справедливѣе-ли

будетъ предоставить вопросъ «можно-ли взять препараты или нѣтъ» на рѣшеніе и отвѣтъственность директора клиники?

3) Тотчасъ-ли послѣ вскрытія найденные препараты составляютъ собственность патолого-анатомическаго кабинета, или же только послѣ предварительнаго и всесторонняго изслѣдованія профессоромъ клиники и демонстраціи ихъ студентамъ, съ цѣлью выясненія чисто клиническихъ вопросовъ?

4) Всегда-ли можно предоставить вскрытіе патолого-анатому, или же въ клиникѣ могутъ встрѣтиться случаи, въ которыхъ секція должна быть произведена самимъ клиницистомъ, съ особенною, прежде обдуманною, цѣлью, такъ какъ случай можетъ представлять болѣе клинической, чѣмъ патолого-анатомическій интересъ и разрѣшить многіе вопросы, касающіеся діагностики и болѣе глубокихъ задачъ патологической фізіологіи?

5) Можетъ-ли клиницистъ во время вскрытія предлагать вопросы патолого-анатому и въ правѣ-ли онъ требовать, чтобы вскрытіе было произведено въ извѣстномъ направленіи, необходимомъ для разрѣшенія вопросовъ, представившихся при жизни больного? Долженъ-ли патолого-анатомъ отвѣчать по возможности на вопросы клинициста, безъ которыхъ невозможно разрѣшеніе прижизненныхъ вопросовъ?

6) Въ какомъ мѣстѣ должны быть производимы вскрытія: въ анатомическомъ театрѣ или въ особенномъ для этого устроенномъ при клиникѣ покоѣ, и, наконецъ,

7) Въ какіе часы должны быть производимы вскрытія, въ часы-ли клиническихъ занятій, или въ часы лекцій патологической анатоміи?

Для разрѣшенія главнѣйшихъ изъ этихъ вопросовъ мы должны прежде всего обратить вниманіе на цѣли клиническаго преподаванія и на ту роль, которую въ ряду этого должна и можетъ играть патологическая анатомія.

Очевидно, что цѣль клиническаго преподаванія заключается въ томъ, чтобы по возможности научить студентовъ узнавать и понимать всѣ изгибы патологической жизни больного въ каждый моментъ его пребыванія въ клиникѣ и приискивать средства къ возвращенію этой патологической жизни къ нормальному ходу. Для этой цѣли профессоръ клиники пользуется пособиями нормальной и патологической анатоміи, нормальной и патологической фізіологіи, гистологіи, фармакологіи, химіи, физики, діагностики и т. д. Изъ этого видно, что патологическая анатомія въ ряду вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ клиницисту для разъясненія болѣзненнаго случая, занимаетъ только незначительное мѣсто. Очевидно также, что клиницистъ послѣ смерти больного долженъ пользоваться не только указаніями одной патологической анатоміи, но взять въ помощь себѣ по крайней мѣрѣ двѣ науки: гистологію и химію. Безъ этого права

примѣнять указанія всѣхъ упомянутыхъ наукъ къ разъясненію патологической жизни субъекта развѣ могли бы явиться на свѣтъ прекрасныя работы Фрерихса о болѣзняхъ печени и почекъ, о появленіи левцина и тирозина въ печени и въ мочѣ при извѣстныхъ септическихъ процессахъ и нѣкотораго рода страданіяхъ печени и т. д., развѣ могли бы родиться работы Шкоды, Траубе, Куссмауля и др. о засореніи легкихъ разнаго рода пылью, о неравномѣрномъ распредѣленіи ядовъ и лѣкарствъ по тканямъ, а также цѣлый рядъ трудовъ, относящихся до прижизненныхъ явленій и посмертныхъ измѣненій, вслѣдствіе фосфорнаго отравленія и хроническаго отравленія алкоголемъ и т. д., словомъ, всѣ тѣ труды, которые, кромѣ микроскопической патологической анатоміи, требуютъ еще усидчивыхъ гистологическихъ изслѣдованій и химическаго анализа? Въ настоящее время роль химіи и гистологіи въ ряду наукъ, необходимыхъ для клиническаго преподаванія, обрисовывается съ каждымъ годомъ все больше и больше и вскорѣ въ Европѣ не будетъ ни одной клиники, при которой не состоялъ бы особенный химикъ. Такого химическаго ассистента, напр., мы находимъ теперь уже у проф. Леберта и Фрерихса въ Бреславлѣ и Берлинѣ, въ Вѣнѣ, Вюрцбургѣ, Тюбингенѣ и др. Имена этихъ ассистентовъ давно извѣстны въ медицинѣ по немаловажнымъ работамъ, совершеннымъ отчасти ими самими, отчасти въ ихъ лабораторіяхъ. Да и сами патологическіе анатомы чувствуютъ, что безъ химіи они далеко не уйдутъ и что имъ недоступно будетъ рѣшеніе многихъ жизненныхъ вопросовъ. Вотъ почему при проф. Вирховѣ мы находимъ извѣстнаго своими талантливыми трудами д-ра Кюне.

Патолого-анатомъ, какъ явствуетъ изъ вышесказаннаго, въ дѣлѣ клиническаго преподаванія можетъ играть только роль эксперта. Коль скоро онъ произвелъ вскрытіе, высказалъ свое мнѣніе на счетъ болѣзненнаго процесса и порѣшилъ предложенные ему вопросы—роль его прекращается. Жидкости и ткани должны перейти затѣмъ въ руки гистолога и химика и отъ нихъ клиницистъ долженъ ждать дальнѣйшаго разъясненія болѣзненнаго процесса. Но легко могутъ встрѣтиться болѣзненные случаи, представляющіе особенный, чисто клиническій интересъ, точное анатомическое изслѣдованіе которыхъ, *произведенное въ извѣстномъ направленіи*, можетъ рѣшить какой-нибудь болѣе или менѣе важный вопросъ діагностики и т. д. Такъ, напр., я увѣренъ, что Леннекъ только потому успѣлъ въ такое, относительно, краткое время разработать и утвердить ученіе объ аускультации, что самъ производилъ вскрытіе всѣхъ умершихъ въ его клиникѣ. Онъ могъ, не торопясь, самымъ тщательнымъ образомъ обратить вниманіе на качество и мѣсто пораженія легкихъ и сердца, объемъ его, положеніе органовъ и т. д., словомъ, на такія кажущіяся мелочи, которыя очень

важны для клинициста и вовсе не имѣютъ цѣны и смысла въ глазахъ патолого-анатома. Въ такихъ случаяхъ, по моему мнѣнію, вскрытіе долженъ производить самъ клиницистъ, потому что патолого-анатомъ не всегда хорошо понимаетъ задачу клинициста. Патолого-анатомъ, для контроля его и подачи своего сужденія, долженъ только присутствовать при вскрытіи. Я привелъ только Леннека, одного изъ первыхъ сподвижниковъ точнаго распознаванія, но могъ бы насчитать цѣлую кучу знаменитыхъ клиницистовъ, какъ, напр., Шкоду, Траубе, Зейца и т. д., которые только этимъ путемъ успѣли значительно разработать и расширить поле діагностики.

Въ бытность мою въ Берлинѣ проф. Траубе, доцентъ Мейеръ и др. неоднократно производили при студентахъ на трупахъ людей, умершихъ въ ихъ отдѣленіи, въ высшей степени поучительныя діагностическія этюды, разъясняющіе законы аускультации и перкуссии. Это было производимо всегда, когда больные при жизни представляли особенный акустическій интересъ.

Послѣ этого краткаго опредѣленія роли патологической анатоміи въ ряду клиническаго преподаванія, перейдемъ теперь къ рѣшенію вышеприведенныхъ вопросовъ. Первый изъ нихъ разрѣшается самъ собою. Отвѣтъ можно формулировать такъ:

I. «Больные, пользующіеся въ клиникахъ, составляютъ *неотъемлемый* научный матеріалъ профессора соотвѣтственной клиники, которымъ онъ можетъ воспользоваться въ самомъ обширномъ размѣрѣ, для всесторонняго изученія даннаго болѣзненнаго случая. Патолого-анатомъ призывается имъ только въ качествѣ эксперта, точно также какъ могутъ и должны быть призываемы гистологъ, химикъ и физикъ».

Рѣшеніе втораго вопроса тоже отчасти вытекаетъ само собою изъ предыдущаго; но съ другой стороны при ближайшемъ разсмотрѣніи его рождаются новыя соображенія, кроющіяся въ положеніи клиникъ среди общества, имѣющаго болѣе или менѣе своеобразный взглядъ на вещи. Очевидно, что не *все* найденныя при вскрытіи патологическія препараты могутъ составлять собственность патолого-анатомическаго кабинета, потому что, если лишеніе трупа патологически измѣненныхъ частей сопровождается уродствомъ его, то только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно дозволить патолого-анатому воспользоваться препаратами. Это можно дозволить развѣ въ тѣхъ только случаяхъ, когда у умершаго не оказывается, что называется, ни роду, ни племени; да и то едва-ли такой поступокъ не отзовется неблагопріятно на количествѣ больныхъ, поступающихъ въ клинику. Въ другихъ случаяхъ нельзя будетъ воспользоваться даже и препаратами внутреннихъ органовъ. Есть много людей, даже весьма образованныхъ, которые ни за что не согласятся, чтобы части тѣла ихъ род-

ственниковъ содержались на показъ въ спиртѣ, у другихъ, напр., у евреевъ, да и у необразованныхъ христіанъ, ихъ религіозныя вѣрованія и преданія станутъ въ разрѣзъ съ подобными дѣйствіями. Они и теперь неохотно идутъ въ клинику, зная мое твердое постановленіе сецировать каждый клинической трупъ; еще неохотнѣе они пойдутъ тогда, когда узнаютъ, что части тѣла умершихъ сохраняются въ спиртѣ. Мнѣ скажутъ на это, и я даже слышалъ это возраженіе изъ устъ моихъ многоуважаемыхъ товарищей, что никто изъ родственниковъ умершаго не узнаетъ о томъ, взяты-ли внутренности вскрываемаго или нѣтъ, потому что родственникамъ покойника запрещается входить въ секціонную комнату. Но, по моему мнѣнію, такого запрещенія вовсе не существуетъ, да оно было бы не только весьма несправедливо, но даже и не цѣлесообразно. Напротивъ, мы должны желать, чтобы родственники, или ихъ повѣренные присутствовали при вскрытіи и каждый разъ убѣждались, по возможности, что болѣзнь ихъ родственниковъ была неизлѣчима, что смерть не зависѣла отъ дурной терапии, а отъ сущности самаго болѣзненного процесса. Это лучше всего возстановило бы довѣріе публики къ заведенію и служило бы нравственной поддержкой и оправданіемъ клинициста. Съ другой стороны, опасаясь въ лицѣ родственниковъ и приближенныхъ умершаго скомпрометироваться передъ публикой, клиницистъ приложить всѣ старанія для точной диагностики и правильнаго лѣченія. Что запрещеніе присутствовать при вскрытіи родственникамъ и друзьямъ покойнаго весьма несправедливо, ясно всякому: другъ и родственникъ имѣетъ неотъемлемое право знать до послѣднихъ мелочей всѣ подробности, касающіяся до умершаго. Такимъ образомъ социальное положеніе клиники не позволяетъ воспользоваться *всѣми* найденными препаратами для патолого-анатомическаго кабинета. Но кромѣ того болѣе точное гистологическое и особенно химическое изслѣдованіе измѣненной части тѣла можетъ способствовать разрѣшенію какой-нибудь важной патолого-фізіологической проблемы, которая, пожалуй, будетъ важнѣе сохраненія препарата въ спиртѣ на вѣчныя и неопредѣленные времена. Патолого-анатомическій музей похожъ на арсеналь, въ которомъ оружіе въ мирное время подчасъ ржавѣетъ и портится. Кто знаетъ, явится-ли ученый витязь, которому понадобится препаратъ для изслѣдованія, а чтеніе патолого-анатомическихъ лекцій по спиртовымъ препаратамъ весьма и весьма неудовлетворительно. Поэтому, если данный случай можетъ служить для разрѣшенія какого-нибудь важнаго научнаго вопроса, то нечего предпочитать достовѣрное возможному, не слѣдуетъ жертвовать препаратомъ для кабинета, точно также какъ никто не станетъ складывать оружія въ арсеналь во время войны. Отсюда вытекаетъ слѣдующая редакція отвѣта на второй вопросъ:

II. «Найденные патолого-анатомическіе препараты только съ согласія директора соотвѣтственной клиники могутъ быть взяты для составленія патолого-анатомическаго кабинета».

Отвѣтъ на третій вопросъ понятенъ самъ собою. Такъ какъ въ болѣе извѣстныхъ европейскихъ школахъ, какъ-то: въ Берлинѣ, Вюрцбургѣ, Тюбингенѣ и т. д., патологическіе препараты вручаются въ полное распоряженіе патолого-анатома только послѣ предварительнаго изученія ихъ профессоромъ клиники и демонстраціи студентамъ, и такъ какъ здоровое клиническое преподаваніе непременно требуетъ такого порядка вещей, то отвѣтъ можетъ быть сформулированъ такъ:

III. «Найденные патолого-анатомическіе препараты, если директоръ клиники сочтетъ возможнымъ предоставить ихъ патолого-анатомическому кабинету, поступаютъ въ вѣдѣніе профессора патологической анатоміи или его прозектора только послѣ предварительнаго обстоятельнаго изслѣдованія ихъ профессоромъ клиники и демонстраціи студентамъ, при изложеніи эпикриза болѣзненнаго случая».

Рѣшеніе четвертаго вопроса тоже ясно вытекаетъ изъ предыдущаго. Отвѣтъ можетъ быть слѣдующій:

IV. «Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, когда вскрытіе имѣетъ особенный, чисто клиническій интересъ оно производится самимъ директоромъ соотвѣтственной клиники, при чемъ патолого-анатомъ можетъ, или, пожалуй, долженъ присутствовать, какъ экспертъ для подачи своего мнѣнія о натурѣ болѣзненнаго случая».

Отвѣтъ на пятый вопросъ цѣликомъ вытекаетъ изъ нашего разсужденія о цѣли клиническаго преподаванія и отношенія къ нему патологической анатоміи. Конечно, клиницистъ не только можетъ, но и *долженъ* предлагать патолого-анатому вопросы, разрѣшеніе которыхъ ему кажется необходимымъ для выясненія даннаго болѣзненнаго случая. Конечно, патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать ему на заданные вопросы, насколько это возможно при данномъ состояніи его науки. Безспорно клиницистъ въ правѣ требовать отъ патолого-анатома, чтобы вскрытіе было произведено въ извѣстномъ направленіи, которое ему кажется необходимымъ для разрѣшенія клиническихъ вопросовъ, представившихся при жизни больнаго. Правда, нельзя отказать патолого-анатому въ правѣ отказываться отъ производства вскрытія, если онъ, съ точки зрѣнія своей науки, считаетъ неудобнымъ слѣдовать указаніямъ клинициста. Тогда вскрытіе производитъ самъ клиницистъ. Поэтому отвѣтъ на пятый вопросъ можно сформулировать такъ:

V. «Клиницистъ въ правѣ предлагать патолого-анатому *во время самаго вскрытія* вопросы, разрѣшеніе которыхъ онъ можетъ ожидать отъ патологической анатоміи. Патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать ему на эти во-

просы и употребить всё способы и средства своей науки для разъяснения болѣзненного случая и отысканія причины смерти».

Очевидно, что эти вопросы клиницистъ долженъ предлагать патолого-анатому *именно во время самаго вскрытія*, а не послѣ него, какъ полагають нѣкоторые изъ моихъ почтенныхъ товарищей, такъ какъ для отвѣта на нѣкоторые вопросы клинициста патолого-анатому приходится совершенно измѣнить направленіе вскрытія. Когда вскрытіе кончилось, части выведены изъ своего положенія, естественной связи и болѣе или менѣе повреждены ножомъ анатома, тогда становится невозможнымъ отвѣчать даже на такіе вопросы, отвѣты на которые, во время производства вскрытія, вовсе бы не представляли затрудненій.

Что касается шестаго вопроса, то разрѣшеніе его имѣетъ только социальный интересъ. По моему мнѣнію его слѣдуетъ рѣшить такъ:

VI. «Вскрытіе труповъ, умершихъ въ клиникахъ, должны быть производимы въ особенной, нарочно для этого устроенной, комнатѣ или часовнѣ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ и съ согласія директора клиники вскрытіе можетъ быть производимо въ анатомическомъ театрѣ».

Рѣшая такимъ образомъ предложенный вопросъ, я имѣю слѣдующія основанія. Общество наше до сихъ поръ еще враждебно смотритъ на трупоустройства и больныя неохотно поступаютъ въ клинику, зная, что послѣ смерти ихъ будутъ вскрывать. Еще враждебнѣе смотритъ оно на вскрытія въ анатомическомъ театрѣ, которое кажется ему даже обидно. Вскрытія, произведенныя въ чертѣ клиническаго зданія, въ особенной, для этого назначенной, комнатѣ, имѣютъ болѣе домашній характеръ и гораздо менѣе обижаютъ щекотливое чувство родственниковъ и друзей покойнаго. Вотъ почему до сихъ поръ я отправлялъ для вскрытія въ анатомическій театръ только такіе трупы, родственники которыхъ по нѣкоторымъ соображеніямъ не могли быть въ претензіи за вскрытіе въ анатомическомъ театрѣ. Но дѣлать изъ этого общее правило нельзя; напротивъ того вскрытія въ анатомическомъ театрѣ должны быть исключеніемъ и даже вовсе оставлены.

Наконецъ, намъ остается разрѣшить седьмой и послѣдній вопросъ. Отвѣтъ на него цѣликомъ основывается на пользѣ студентовъ, а также на принципѣ справедливости и равномѣрнаго распредѣленія труда профессора патологической анатоміи въ нашемъ университетѣ, при теперешнемъ порядкѣ вещей, когда за нимъ считается не болѣе 5 лекцій патологической и 3 микроскопической анатоміи, конечно, онъ гораздо менѣе занятъ, чѣмъ каждый изъ клиницистовъ, у которыхъ, кромѣ другихъ лекцій, однѣ клиники занимають 14 часовъ въ недѣлю, которые не знаютъ отдыха и по праздникамъ и кромѣ того бываютъ въ клиникахъ по вечерамъ. Неужели можно требовать отъ нихъ, чтобы они еще разъ являлись въ уни-

верситетъ внѣ своего урочнаго времени, въ часы патолого-анатомическихъ лекцій, чтобы присутствовать при вскрытіи своихъ умершихъ больныхъ и не справедливѣе-ли будетъ установить, чтобы патолого-анатомъ производилъ вскрытіе въ часы клинической лекціи. Притомъ же преподаваніе патологической анатоміи сильно пострадаетъ отъ производства клиническихъ вскрытій въ часы лекцій для нея назначенныхъ, потому что эти вскрытія не могутъ имѣть характера систематическаго изложенія науки, а скорѣе похожи на простое составленіе протокола. Въ другихъ университетахъ, которые намъ въ этомъ отношеніи могутъ служить образцами, напр., въ Берлинѣ, вскрытія совершенно отдѣлены отъ лекцій патологической анатоміи. Вирховъ производитъ вскрытія для студентовъ только разъ въ недѣлю, а лекціи патологической анатоміи читаетъ почти ежедневно. При томъ вскрытія для студентовъ должны быть производимы совершенно иначе. Для нихъ недостаточно, чтобы профессоръ самъ вскрывалъ трупъ, нужно упражнять ихъ въ производствѣ вскрытія, и Вирховъ дѣлаетъ это съ несокрушимымъ терпѣніемъ. Разумѣется, что подобныя упражненія не могутъ производиться на клиническихъ трупахъ, вскрытіе которыхъ имѣетъ особенную, болѣе важную цѣль. При томъ же очевидно, что при вскрытіи клиническихъ труповъ непременно должны присутствовать студенты IV и V курсовъ, посѣщающіе клинику, для которыхъ такія вскрытія имѣютъ особенное, весьма важное значеніе и интересъ, между тѣмъ оба эти курса вовсе не обязаны слушать лекціи патологической анатоміи и въ часы, для нея назначенные по росписанію, должны посѣщать лекціи судебной медицины. Вотъ почему только самая малая часть студентовъ IV и V курсовъ до сихъ поръ посѣщали клиническія вскрытія и то въ ущербъ другому преподаванію. Всѣ эти неудобства устраняются, если седьмой вопросъ будетъ рѣшенъ такъ:

VII. «Вскрытія клиническихъ труповъ должны быть производимы въ часы клиническихъ лекцій».

Мнѣ скажутъ, что отъ этого потерпитъ клиническое преподаваніе, на это я отвѣчу, что профессоръ клиники изъ своей ежедневной 2-хъ часовой лекціи легко можетъ удѣлить одинъ часъ для обозрѣнія больныхъ, другой—для производства вскрытія, которое притомъ, если оно будетъ произведено въ томъ духѣ и направленіи, на которое я старался указать выше, составляетъ весьма назидательный эпизодъ въ ходѣ клиническаго преподаванія. Эманципация клиники отъ патологической анатоміи можетъ быть послужить къ такому возраженію, что при нашемъ скудномъ патолого-анатомическомъ матеріалѣ, преподаваніе ея понесетъ значительный ущербъ. На это можно только отвѣтить, что: 1) не слѣдуетъ упускать изъ виду, что главная цѣль медицинскаго образованія заключается въ солид-

ной клинической подготовкѣ. Клиника поэтому должна стоять на первомъ планѣ. Подчиняя интересы ея интересамъ патологической анатоміи, мы принесемъ ей огромный вредъ. Между клиникой и патологической анатоміею такая же разница, какъ между жизнью и смертью. Развѣ послѣдняя можетъ господствовать надъ первою? Нигдѣ во всемъ почти мірѣ клиническіе трупы не служатъ исключительнымъ матеріаломъ для изученія патологической анатоміи, а гдѣ это существуетъ, тамъ патологическая анатомія подчиняется клиникѣ. 2) Со времени утвержденія проекта для патолого-анатомическихъ вскрытій на Сабуровой дачѣ мы имѣемъ виды на болѣе богатый патолого-анатомическій матеріалъ.

Изложивъ свое мнѣніе на счетъ § 83 новаго положенія для факультетскихъ клиникъ и выставивъ на видъ необходимыя въ немъ поправки и дополненія, покорнѣйше прошу медицинскій факультетъ, обсудивъ дѣло безпристрастно и всесторонне, ходатайствовать предъ Совѣтомъ университета и попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа объ измѣненіи и дополненіи § 83 новаго положенія для университетскихъ клиникъ».

Вслѣдъ за рапортомъ проф. Маровскаго въ факультетъ поступилъ рапортъ проф. Лямбли слѣдующаго содержанія:

«Въ рапортѣ г. Маровскаго, поданномъ въ медицинскій факультетъ 15 марта 1867 года по поводу § 83 положеній о клиникахъ, я не нахожу ничего новаго, что не было бы уже извѣстно факультету; въ сущности здѣсь повторяются тѣ же самыя, едва-ли выполнимыя, требованія, противъ которыхъ высказались члены факультета единодушно въ частномъ засѣданіи, состоявшемся 11 марта 1867 года, по поводу моего рапорта. Въ этотъ, памятный для меня, день я могъ согласиться съ желаніемъ членовъ факультета не вносить моего рапорта и рѣшенія факультета въ протоколъ; но такъ какъ г. Маровскій въ настоящее время (15 марта) выражаетъ желаніе перенести этотъ вопросъ чрезъ факультетъ въ Совѣтъ и г. попечителю, передавая въ своемъ рапортѣ факты въ другомъ видѣ, нежели какъ они совершились, то я, въ виду необходимости сохраненія исторической послѣдовательности событій, равно какъ и поправленія невѣрныхъ показаній г. Маровскаго, нахожусь вынужденнымъ представить прежде всего копію моего рапорта отъ 10 марта 1867 г., а потомъ уже приступить къ разбору нынѣшняго рапорта г. Маровскаго.

Въ медицинскій факультетъ проф. Д. Лямбли рапортъ.

Въ положеніи о клиникахъ находится относительно клиническихъ вскрытій слѣдующій параграфъ:

§ 83. *Трупы умершихъ въ клиникѣ вскрываются въ присутствіи директора той клиники, въ которой больной умеръ, профессоромъ патологической анатоміи. Протоколъ вскрытія сохраняется въ архивъ па-*

тологической анатоміи, а найденные при вскрытіи препараты составляютъ собственность кабинета патологической анатоміи.

По поводу этого положенія честь имѣю довести до свѣдѣнія медицинскаго факультета слѣдующее: 2 марта 1867 года послѣ клиническаго вскрытія, сдѣланнаго мною въ присутствіи директора терапевтической клиники и гг. студентовъ въ анатомическомъ театрѣ, г. проф. Маровскій въ первый разъ и противъ всякаго обыкновенія потребовалъ, чтобы брюшные органы были перенесены изъ анатомическаго театра въ другое зданіе, будто для микроскопическаго изслѣдованія. На такое требованіе я возразилъ, что готовъ отрѣзать сколько нужно для микроскопическаго изслѣдованія отъ различныхъ частей, но на переноску всѣхъ внутренностей согласиться не могу, такъ какъ мнѣ самому еще нужно заняться въ лабораторіи однимъ изъ органовъ, именно изслѣдованіемъ печени и желчныхъ протоковъ, предназначенныхъ мною на препараты для анатомическаго кабинета. Вошедши за мною въ лабораторію, г. Маровскій настаивалъ на своемъ требованіи—дать перенести немедленно всѣ брюшные органы чрезъ дворъ въ кабинетъ г. Хржонщевскаго, утверждая, что этотъ матеріалъ составляетъ его (г. Маровскаго) принадлежность, что онъ одинъ имѣетъ право распоряжаться имъ, какъ ему угодно, и что на слѣдующій день онъ можетъ доставить анатомическому кабинету остатки. Это все было произнесено и повторено г. Маровскимъ съ такимъ рѣзкимъ крикомъ и угрожающимъ тономъ, что я подобнаго голоса въ зданіи университета еще не слыхивалъ. Не имѣя свидѣтелей столь оскорбительнаго поступка, я счелъ за лучшее прекратить всякія объясненія, попросивъ только г. Маровскаго прочесть положеніе о клиникахъ и параграфъ, относящійся ко вскрытіямъ. Узнавъ впослѣдствіи, что положенія о клиникахъ были составлены еще до прибытія г. Маровскаго въ Харьковъ, я счелъ не лишнимъ дать выписать вышеприведенный параграфъ и переслать его г. Маровскому со слѣдующею запискою:

М. Г. По поводу сцены, случившейся въ моей лабораторіи 2 марта 1867 г. послѣ вскрытія, и во избѣжаніе на будущее время яростныхъ Вашихъ экспирацій, позволяю себѣ препроводить Вамъ при семъ извлеченіе изъ положенія объ университетскихъ клиникахъ (§ 83), котораго Вы или не знаете или знать не хотите. Надѣюсь, что отнынѣ не будете въ сомнѣніи о томъ, что 1) Вы не имѣете никакого права распоряжаться анатомическимъ матеріаломъ, и что 2) я не имѣю никакого права соглашаться съ Вашими претензіями. Харьковъ, 6 марта 1867 г. Д. Лямбль.

Въ тотъ же день полученъ мною слѣдующій отвѣтъ:

М. Г. Правила клиническія я знаю лучше Васъ, а во избѣжаніе Вашихъ *накостей*, Вы будете впредь производить вскрытія въ клиниче-

ской секціонной комнатѣ, въ часѣ клиническихъ лекцій. Клиническіе трупы только съ большими ограниченіями могутъ быть употребляемы для составленія патологическаго кабинета, а потому и правила должны быть измѣнены. Пожалуй, Вамъ захочется уродовать трупы. Затѣмъ препараты, которые можно будетъ дать, Вы получите послѣ предварительнаго гистологическаго изслѣдованія въ кабинетѣ г-на Хржонцевскаго. Въ заключеніе я прошу Васъ избавить меня отъ Вашихъ вѣжливыхъ писемъ, они совершенно излишни, и каждое сомнѣніе мы можемъ рѣшить въ факультетѣ. Харьковъ, 6 марта 1867 г. Маровскій.

Считаю долгомъ довести эти письменныя сношенія до свѣдѣнія медицинскаго факультета, потому что ими обрисовывается situacія, въ которой такъ неожиданно очутился я относительно своихъ обязанностей именно клиническихъ вскрытій.

Г. Маровскій, зная положеніе о клиническихъ вскрытіяхъ, какъ онъ утверждаетъ, лучше меня, все-таки не чувствуетъ несправедливости своихъ притязаній, высказанныхъ имъ 2 марта въ моей лабораторіи. Онъ напротивъ того идетъ дальше, не сдерживая себя отъ оскорбленій даже моей чести, для защиты которой я нахожусь вынужденнымъ представить все дѣло на обсужденіе медицинскаго факультета. Въ продолженіе 16 лѣтъ моихъ анатомическихъ занятій я никогда не слышалъ въ упрекъ моихъ трудовъ неприличнаго выраженія „*накостей*“—или извительныхъ инсинуаций объ «уродованіи труповъ»—никогда не испыталъ подобнаго терроризма одного изъ членовъ факультета, который безъ всякихъ извѣстныхъ мнѣ основаній вдругъ позволяетъ себѣ не уважать положеній, принятыхъ Совѣтомъ университета и замѣняетъ ихъ произвольными повелѣніями, съ которыми онъ вдобавокъ относится къ своему товарищу и сочлену съ тономъ, какой нечасто употребляютъ господа по отношенію къ прислугѣ.

Кромѣ того поступкомъ г. Маровскаго нарушается правильный ходъ и установленный порядокъ преподавательскихъ занятій и открывается бузутѣшная перспектива на будущія коллегіальныя отношенія въ Харьковскомъ университетѣ, если такое нарушеніе не будетъ прекращено заблаговременно. Медицинскій факультетъ, зная и уважая задачу и объемъ науки, способы и средства для преподаванія ея, не находилъ нужнымъ поставить какія нибудь ограниченія въ употребленіи матеріала, получаемого при клиническихъ вскрытіяхъ. Г. Маровскій, придумывая какія-то «большія ограниченія», доказываетъ только, что онъ этого дѣла не знаетъ. Изъ десятка труповъ едвали одинъ разъ встрѣтится возможность употребить что нибудь для составленія патологическаго кабинета; но за то при каждомъ трупосѣченіи есть цѣлые десятки важныхъ и необходимыхъ

для анатома предметовъ, которые только въ свѣжестъ состояніи могутъ быть полезными для учащихся, предметы, безъ демонстраціи которыхъ преподаваніе анатоміи осталось бы на половину безуспѣшнымъ. При такой задачѣ патологическаго анатома было бы крайне странно поставить его напр. въ зависимость отъ г. Маровскаго тѣмъ, что послѣдній имѣлъ бы право назначать, какіе препараты и когда можно дать и т. п. Откуда взялъ г. Маровскій предварительное гистологическое изслѣдованіе въ кабинетѣ г. Хржонщевскаго,—это мнѣ рѣшительно непонятно, такъ какъ я гистологическое изслѣдованіе патологическихъ предметовъ считаю неразлучною частью патологической анатоміи. Поэтому покорно прошу медицинскій факультетъ приступить къ обсужденію этого дѣла, признать въ поступкѣ г. проф. Маровскаго нарушеніе правилъ нашихъ занятій и отношеній, защитить меня отъ оскорбительныхъ съ его стороны нападеній и обезпечить на будущее время въ томъ, что внѣ предѣловъ своихъ клиническихъ обязанностей онъ не будетъ вмѣшиваться ни въ какія распоряженія съ анатомическимъ матеріаломъ, найденнымъ при трупосѣченіяхъ и станеть соблюдать такимъ образомъ въ точности значеніе постановленій о клиникахъ впредь до измѣненія ихъ законнымъ порядкомъ. Харьковъ, 10 марта 1867 г. Проф. Д. Лямбль.

На подлинномъ подписано собственною рукою декана: Въ частномъ собраніи членовъ медицинскаго факультета 11 марта рѣшено: клиническія вскрытія производить на основаніи § 83 Положенія о клиникахъ впредь до измѣненія ихъ законнымъ порядкомъ. Деканъ Демонси.

Приступая теперь къ разбору рапорта г. Маровскаго отъ 15 марта 1867 года, я позволяю себѣ привести прежде всего нѣкоторые общія замѣчанія. Г. Маровскій начинаетъ съ того, что по поводу § 83 положеній о клиникахъ встрѣтились въ медицинскомъ факультетѣ «недоразумѣнія».

Какъ изъ вышеприведеннаго моего рапорта явствуетъ, то недоразумѣній никакихъ не было, а было *произвольное толкованіе* этого параграфа *со стороны г. Маровскаго*, съ которымъ онъ отнесся къ профессору патологической анатоміи 2 марта 1867 г. словесно, а 6 марта *письменно*, оба раза неприличнымъ *тономъ непризнанія правилъ и установленнаго порядка*. Въ самомъ же собраніи членовъ медицинскаго факультета 11 марта всѣ выраженія г. Маровскаго были такого опредѣленнаго свойства, что не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какого рода было его намѣреніе. Если для г. Маровскаго трудно сознаться въ томъ, что дѣйствія его были *несправедливы* и несогласны съ общепринятыми условіями приличія, то для меня еще труднѣе видѣть въ нихъ простое недоразумѣніе.

Далѣ въ одномъ мѣстѣ г. Маровскій употребляетъ выраженіе „*мое твердое постановленіе сецировать каждый трупъ*“.

Факультетъ согласится со мною, что это постановленіе вовсе не его, г. Маровскаго, оно существовало до его прибытія въ Харьковъ, будучи опредѣлено *медицинскимъ факультетомъ*, согласно съ Уставомъ Россійскихъ университетовъ. *Твердымъ* оно было дѣйствительно со дня утвержденія Совѣтомъ (безъ г. Маровскаго), но распаталось бы безъ всякаго сомнѣнія скоро, если бы факультетъ его подчинилъ какому либо произвольному распоряженію одного члена корпорации, напр. г. Маровскаго.

На счетъ мѣстности, гдѣ должны быть производимы клиническія вскрытія, г. Маровскій домогается того, чтобы для этой цѣли была устроена особенная часовня, и что только *въ рѣдкихъ случаяхъ*, съ согласія директора клиники, вскрытіе можетъ быть произведено въ анатомическомъ театрѣ. Читая далѣе, что г. Маровскій и *до сихъ поръ отправлялъ* для вскрытія въ анатомическомъ театрѣ только такіе трупы, родственники которыхъ не могли быть въ претензіи за вскрытіе въ анатомическомъ театрѣ, всякій подумаетъ, что клиническія трупосѣченія до сихъ поръ производились по большей части и какъ будто правильно въ часовнѣ, въ чертѣ клиническаго зданія, а въ анатомическомъ театрѣ только по исключенію. Между тѣмъ на дѣлѣ въ продолженіе круглаго года было наоборотъ: всѣ трупы терапевтической клиники были вскрываемы проф. патологической анатоміи *въ анатомическомъ театрѣ* за исключеніемъ одного, вскрытаго въ часовнѣ, и то единственно по причинѣ *праздника* (19 февраля 1867 г.).

Какъ ни маловажнымъ кажется это обстоятельство, но оно замѣчательно потому, что стилизація доклада г. Маровскаго служитъ доказательствомъ, что г. Маровскій не пренебрегаетъ ни однимъ случаемъ, чтобы не придать извѣстнымъ событіямъ другаго значенія, чтобы не исказить даже такіе факты, по которымъ ему можно представить хотя 20 свидѣтелей. Говоря объ отношеніяхъ патолого-анатомовъ къ клиницистамъ, г. Маровскій ставитъ въ примѣръ чуть-ли не *„всѣ знаменитыя европейскія школы“* и находитъ, что *„нигдѣ со всемъ почти міръ трупы не служатъ исключительнымъ матеріаломъ патологической анатоміи“*, прибавляя впрочемъ, что *„идѣ это существуетъ, тамъ патологическая анатомія подчиняется клиникѣ“*.

C'est le ton qui fait la musique. Г. Маровскій вѣроятно рассчитываетъ на огромный эффектъ, приравнивая Харьковскій медицинскій факультетъ ко всѣмъ медицинскимъ школамъ Европы и чуть-ли не всего міра.

Разсмотримъ этотъ пунктъ безпристрастно.

Прежде всего, насколько членамъ медицинскаго факультета извѣстно, г. Маровскій не предъявилъ никакихъ данныхъ, чтобы, кромѣ двухъ

мѣсяцевъ каникулярнаго времени, проведенныхъ имъ въ прошедшемъ году въ Берлинѣ, онъ занимался гдѣ нибудь за границей специально своей наукой, а потому *очевидно* по этому вопросу *считаться не можетъ*. Онъ бы могъ, конечно, знать объ иностранныхъ учрежденіяхъ и *по преданіямъ*, только въ такомъ случаѣ, обращаясь къ медицинскому факультету долженъ бы былъ озаботиться показаніями болѣе основательными и достовѣрными, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Медицинскій факультетъ считаетъ въ средѣ своей много членовъ, дѣйствительно побывавшихъ въ разныхъ странахъ Европы и имѣвшихъ обратить специальное вниманіе на способы производства вскрытій и на отношенія патологической анатоміи къ клиникѣ. Имъ всемъ извѣстно, что каждая страна отличается своими особенностями по устройству медицинскихъ учебныхъ заведеній и что именно научная цѣль трупосѣченія достигается различными способами.

Въ *Англіи* особыхъ преподавателей патологической анатоміи вовсе нѣтъ, однакожъ клиническое преподаваніе ничего чрезъ то не теряетъ. Это потому, что въ англійскихъ медицинскихъ школахъ поручается клиника и практическое преподаваніе такимъ врачамъ, которые многолѣтними трудами по отраслямъ анатоміи и физиологіи дали ручательство техническаго умѣнія и глубокихъ научныхъ свѣдѣній: ихъ препараты хранятся въ музеяхъ, ихъ умственные труды обогащаютъ литературу. Къ трупосѣченіямъ въ этихъ школахъ приступаютъ обыкновенно послѣ окончанія клиническихъ визитовъ, въ присутствіи всей ученой корпорации, и такъ какъ всѣ члены послѣдней—опытные анатомы, то и выходитъ все равно, кто изъ нихъ пріймется за то или другое вскрытіе.

Во *Франціи* правильное производство клиническихъ вскрытій и вообще по патологической анатоміи при медицинскихъ школахъ очень недостаточны, да французскіе врачи сами сознаются, что въ этомъ отношеніи они отстали, такъ что имъ въ настоящее время много не достаетъ. Правда этотъ недостатокъ вознаграждается развитыми до высокой степени специальностями, распределенными по многочисленнымъ госпиталямъ большихъ городовъ, однакожъ послѣднія учрежденія не могутъ имѣть никакого примѣненія въ нашемъ университетѣ.

Въ *Германіи* сколько университетовъ, столько разнообразныхъ установленій. Судя по количеству матеріала и по составу преподавателей, на одного профессора нерѣдко возлагается по два, даже по три предмета.

Уже тѣхъ трехъ университетовъ, на которые указалъ г. Маровскій (въ Берлинѣ, Вюрцбургѣ и Тюбингенѣ), нельзя поставить въ примѣръ того, что сказано объ нихъ, потому что, во первыхъ, отношеніе патолого-анатома къ клиницистамъ въ Берлинѣ не то, что въ Вюрцбургѣ, а во

вторыхъ въ Тюбингенѣ каѳедры патологической анатоміи вовсе нѣтъ, а причисляется къ терапевтической клиникѣ только ассистентъ въ качествѣ прозектора. Гдѣ, однакожъ, отношенія между клиницистами и патолого-анатомами лучше всего выработались, такъ это въ Италіи и Австріи. На основаніи исполнскихъ трудовъ по патологической анатоміи, появившихся въ этихъ странахъ и давшихъ въ свое время новый поворотъ всей практической медицинѣ (Morgagni въ Италіи, Рокитанскаго въ Вѣнѣ) правительства заранѣе учредили при университетахъ особенныя каѳедры для этого предмета и медицинскія школы приступили къ естественному раздѣленію матеріала и труда, опредѣляемому особенными положеніями или такъ называемыми „инструкціями“. Однакожъ это распредѣленіе труда, эти инструкции вовсе не говорятъ въ пользу предлагаемыхъ г. Маровскимъ измѣненій установленнаго у насъ порядка. Напротивъ того, онѣ во всѣхъ подробностяхъ опредѣляютъ отношенія, какія означаются нашимъ § 83 и какія, вдобавокъ къ этому параграфу и согласно съ нимъ, установились обычаемъ. Если бы медицинскому факультету понадобилось справиться съ инструкціею такого факультета, который по своему составу приблизительно подходитъ къ Харьковскому, то я могу во всякое время представить экземпляръ, но мнѣ кажется, что факультетъ и безъ этого сознаетъ, что § 83, равно какъ и всѣ другіе параграфы нашего положенія были составлены сообразно съ университетскимъ уставомъ, съ современнымъ требованіемъ науки и съ мѣстными нашими условіями. *Сходство* нашего положенія съ упомянутой инструкціею могло бы служить только доказательствомъ, какъ вѣрно понялъ факультетъ свою задачу при составленіи правилъ и какъ невѣрно ее понимаетъ г. Маровскій. Напрасно ему ссылаться на нѣкоторые неполныя или недостаточныя учрежденія заграничныхъ школъ; напрасно говорить о химикѣ въ качествѣ ассистента при клиникѣ, когда такого мѣста не полагается уставомъ университета, а полагается особая каѳедра медицинской химіи; напрасно ему братья за трупосѣченія и обязанности по такому предмету, по которому полагается особый преподаватель.

Подобно тому, какъ относится г. Маровскій къ медицинскимъ школамъ, такъ онъ, указывая медицинскому факультету на цѣлую кучу европейскихъ знаменитостей, думаетъ выставить ихъ литературные труды въ примѣръ того, чтобы, подъ его руководствомъ, могло тоже явиться и въ Харьковѣ. И здѣсь онъ смѣшиваетъ старыхъ, новыхъ и новѣйшихъ дѣятелей безъ всякаго разбора, забывая при этомъ, что на всякій трудъ было, есть и будетъ свое время, люди и свои прочія условія. Возьмемъ, напр., трехъ изъ приведенныхъ г. Маровскимъ клиницистовъ: Леннека, Шкоду и Фрерихса. *Леннекъ* могъ быть знаменитымъ клиницистомъ потому, что

онъ самъ вскрывалъ трупы въ то время, когда патологическая анатомія была еще въ колыбели. Его преемникъ по аускультации *Шкода* могъ быть не менѣе знаменитымъ клиницистомъ потому, что онъ самъ никогда не касался труповъ, а только прислушивался къ учениямъ своего друга Рокитанскаго. *Фрерихсъ* опять-таки могъ сдѣлаться знаменитымъ клиницистомъ потому, что, подобно англійскимъ врачамъ, онъ перешелъ къ клиническимъ занятіямъ послѣ многолѣтнихъ трудовъ по патологической анатоміи, и т. д., и т. д. Каждый истинно трудящійся дѣтель приносить свою лепту въ общую сокровищницу науки, соображаясь съ вѣшними условіями и собственными способностями. Если же г. Маровскій считаетъ нужнымъ указать прежде всего на «прекрасные труды» тѣхъ и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, то это только прекрасныя слова; но мы должны не забывать, что первая и главная обязанность, возложенная на насъ уставомъ, состоитъ въ преподаваніи специальныхъ предметовъ и въ образованіи практическихъ врачей. Пожелаетъ кто нибудь кромѣ того подняться надъ заграничными знаменитостями въ литературѣ, то уставъ ему ни мало не помѣшаетъ, лишь бы онъ исполнялъ свою обязанность по своему предмету, не вмѣшиваясь въ занятія своихъ товарищей.

Чтобы сдѣлаться то же знаменитымъ клиницистомъ, г. Маровскому кажется необходимымъ открыть себѣ прежде всего новый путь, а этотъ путь не что другое, какъ: *эманципация клиники отъ патологической анатоміи* (sic!). Говоря объ этой эманципации, онъ находитъ, что «*между клинкою и патологическою анатоміею такая же разница, какъ между жизнью и смертію*», при чемъ онъ спрашиваетъ: «*развѣ послѣдняя (смерть) можетъ господствовать надъ первою (жизнью)?*».

На это я отвѣчаю: безъ всякаго сомнѣнія, смерть господствуетъ надъ жизнью; осѣчки никогда не сдѣлала. Это не вопросъ, а неизбежное явленіе природы. «Сколько не жить, а смерти не отбыть». Но дѣло въ томъ, что патологическая анатомія—не есть явленіе природы, а наука; клиника опять не есть наука, а практическое *примѣненіе* выводовъ изъ разныхъ наукъ; наконецъ, такъ какъ уже въ этомъ сравненіи г. Маровскаго недостаетъ *tertium comparationis*, т. е. нѣтъ никакого сходства, то выводъ изъ него не имѣетъ никакого основанія. Ибо никто до сихъ поръ не говорилъ, даже не воображалъ себѣ господства или подчиненія одной науки другой. Уставомъ поставлены всѣ предметы наравнѣ, всѣмъ каеэдрамъ предназначены одинаковыя права и обязанности.

Но г. Маровскій въ своемъ рапортѣ смѣшиваетъ не только науки съ научными *пособіями* и съ *преподавателями* по этимъ наукамъ: онъ сознательно домогается *подчиненія ихъ себѣ*. Онъ полагаетъ, что такъ какъ клиника должна стоять на первомъ планѣ, то и всѣ остальные препода-

ватели, какъ то: анатомъ, гистологъ, физиологъ и физикъ, равно какъ и пособія ихъ должны быть подчинены ему, какъ клиницисту. Недовольствуясь своими правами и пособіями, онъ высказываетъ рѣшительное стремленіе къ узурпаціи. А между тѣмъ *привилегій* по кафедрамъ не полагается, и не трудно сообразить, что какая либо привилегія клинициста властвовала-бы только паразитомъ въ факультетѣ, въ ущербъ общимъ интересамъ. Положимъ, наконецъ, что медицинскому факультету удалось бы обставить новаго директора харьковской терапевтической клиники самыми первостатейными силами въ качествѣ ординаторовъ, анатомовъ, гистологовъ, химиковъ и физиковъ, которые-бы всѣ были ему подчинены и обязаны отвѣчать на его вопросы, всѣ работали-бы только для него и за него, то такая обстановка представляла-бы, пожалуй, великолѣпную и драгоценную *рамку*, но спрашивалось-бы: какая *картина* въ этой рамкѣ? То есть клиника и клиницистъ? Извѣстное дѣло, что въ глазахъ знатока картина въ настоящей цѣнности своей мало выплываетъ и мало теряетъ отъ рамки. «Какова плена, такова ей и цѣна». Въ наукѣ, равно и въ искусствѣ, каждая личность имѣетъ настолько настоящей цѣны, насколько она кладетъ на вѣсь изъ собственного труда, изъ собственныхъ силъ.

Главная и основная идея, которая тянется, какъ нить, по лабиринту разсужденій г. Маровскаго объ эманципаціи клиники отъ патологической анатоміи, заключается въ намекѣ, что клиническія вскрытія должны быть производимы въ *извѣстномъ духѣ и направленіи*. Эта идея дѣлается вполне понятной только при соображеніи моего перваго рапорта 10 марта и объясненій, высказанныхъ въ частномъ собраніи факультета 11 марта.

Въ письменномъ своемъ отношеніи ко мнѣ (6 марта) г. Маровскій обвинялъ меня въ *накостяхъ*, и въ присутствіи членовъ факультета (11 марта) въ объясненіе этого неприличнаго слова заявилъ, что онъ моими вскрытіями недоволенъ по несогласію ихъ съ его клиническими предположеніями. Мнѣ сначала казалось невѣроятнымъ, даже невозможнымъ, чтобы такое несогласіе по научнымъ вопросамъ могло служить поводомъ къ личному оскорбленію. Я не понялъ, какъ можно вообще сравнивать *анатомическій* діагнозъ, составленный при вскрытіи по непосредственному наблюденію, съ клиническимъ діагнозомъ, основаннымъ на болѣе или менѣе сильной степени вѣроятія. Вдобавокъ мнѣ и не трудно было объяснить предъ факультетомъ, что я въ этомъ дѣлѣ не виновенъ уже потому, что я приступаю всякій разъ къ трупосѣченію, не зная, и зная не желая, какія были клиническія предположенія. Я сказалъ, что это у меня не случайности, а старая привычка: я не спрашиваю предварительно клиническаго опредѣленія болѣзни, чтобы не быть предупрежденнымъ при своемъ занятіи. Да и нечего мнѣ было спрашивать съ тѣхъ поръ,

какъ я узналъ, что въ терапевтической клиникѣ въ продолженіе этого академическаго года до сегодняшняго числа (16 марта) не было на доскахъ, находящихся надъ койками, ни одного опредѣленія болѣзни. Это послѣднее, мимоходомъ говоря, тоже своего рода новость, которая дѣйствительно, безъ преувеличенія, кромѣ Харькова, еще нигдѣ въ Европѣ, даже ни въ одной уѣздной больницѣ Россіи, не введена. Можетъ быть, что эта «*tabula rasa*» въ системѣ г. Маровскаго одно изъ необходимыхъ условій «солидной подготовки студентовъ и здраваго клиническаго преподаванія», о которомъ онъ такъ эмфатически и краснорѣчиво распространяется; можетъ быть, что г. Маровскій убѣдился въ томъ, что всѣ его предшественники по клиникѣ, соблюдавшіе обыкновенный порядокъ, были люди отстаые, и что только на его долю выпало открыть *Arcanum duplicatum* клинической мудрости, подобно тому, какъ во время оно утверждали извѣстный зальцбургскій врачъ *Philippus Aureolus*, по прозванію *Theophrastus Bombastus Paracelsus*, память котораго сохраняется почти 400 лѣтъ. Однакожъ это до меня, какъ вскрывающаго клиническіе трупы, не касается; для меня пустыя доски безъ диагнозовъ въ терапевтической клиникѣ важны только какъ *внѣшнее* доказательство моей безвинности въ томъ, что результаты вскрытій, сдѣланныхъ мною, г. Маровскому не понравились.

Но въ настоящемъ рапортѣ другое: г. Маровскій уже не говоритъ о моихъ «пакоостяхъ»,—онъ выдумалъ новое болѣе приличное, но не менѣе двусмысленное выраженіе; онъ говоритъ: *«объ извѣстномъ духѣ и направленіи, въ которомъ патолого-анатомъ, слѣдуя показаніямъ клинициста, долженъ дѣлать клиническое вскрытіе»*, и это «извѣстное направленіе», онъ подчеркиваетъ и повторяетъ по крайней мѣрѣ 5 разъ въ своемъ рапортѣ.

Признаюсь, это оригинальный намекъ, вызывающій меня на глубокое размышленіе. Съ 1850 года до настоящаго дня я сдѣлалъ уже нѣсколько тысячъ вскрытій, въ присутствіи клиницистовъ, имена которыхъ сливаются съ воспоминаніями о моихъ трудахъ; они слѣдующіе: *Halla, Löschner, Sakch, Bamberger, Hamernik, Cejka, Spielmann, Fischel, Waller, Pitha, Arlt, Seifert*, въ Харьковѣ еще гг. *Альбрехтъ, Ганъ, Демонси, Грубе* и *Лазаревичъ*. Всѣ эти господа въ случаѣ трупосѣченія выслушивали протоколъ и анатомическое опредѣленіе болѣзни молча, безропотно, безъ замѣчаній. Сотни другихъ клиническихъ вскрытій, при которыхъ я присутствовалъ въ разныхъ странахъ Европы, производились такимъ же порядкомъ. Единственная цѣль при каждомъ трупосѣченіи была до сихъ поръ: объективное и по возможности полное и точное опредѣленіе всѣхъ болѣзненныхъ измѣненій, найденныхъ въ организмѣ. *Post tanta molimina, post*

tantas labores—каково мое изумленіе, когда я вдругъ узнаю, что это все не такъ производилось, какъ слѣдовало! Не будь рапорта г. Маровскаго, мы все еще находились бы подъ вліяніемъ заблужденія, всё продолжали бы жить и вскрывать при полномъ невѣдѣніи того, что вскрытія должны быть дѣлаемы *въ извѣстномъ духѣ и направленіи, предназначенномъ требованіями клинициста!*

Если допустить, чтобы клиницистъ назначалъ «извѣстное направленіе», то каждый, прежде всего, спросить, что при такомъ вскрытіи будетъ важнѣе: предположеніе-ли клинициста, или дѣйствительность на трупѣ?

Положимъ напримѣръ (а такихъ примѣровъ можетъ быть не мало), что клиницистъ опредѣлитъ при больномъ бугорчатку легкихъ, а вскрытіе, вмѣсто бугорчатки, показываетъ хроническій катарръ, то это подѣ часть понятная и даже извинительная ошибка. Но какое бы тутъ онъ не придумывалъ «*направленіе*» вскрытія, какъ бы онъ ни старался замаскировать дѣло разными *показаніями* и требованіями разрѣшенія клиническихъ вопросовъ и т. п. искусственными оборотами, анатомъ ему при вскрытіи не можетъ сочинить бугорковъ, а долженъ принять въ протоколъ все то, что найдено на трупѣ. Но это клиницисту ужасно досадно и, такъ какъ этотъ голый неоспоримый фактъ и этотъ неумолимый анатомъ «*не-всегда понимающій*» (по словамъ г. Маровскаго) *интересовъ клинициста*—стали въ разрѣзъ съ этими интересами клинициста, то послѣдній стремится подчинить себѣ и фактъ и анатома, приспособляя обоихъ къ своимъ воззрѣніямъ и соображеніямъ, отвергая значеніе однихъ и признавая значеніе лишь нѣкоторыхъ фактовъ «*неимѣющихъ*», будто, «цѣны и смысла въ глазахъ патолого-анатома», внушая наконецъ послѣднему «*извѣстный духъ и направленіе*» и рассчитывая даже на удаленіе эксперта анатома отъ вскрытій, «*которому, по словамъ г. Маровскаго, нельзя отказать въ правѣ отказать отъ производства вскрытія, если онъ съ точки зрѣнія своей науки считаетъ неудобнымъ слѣдовать указаніямъ клинициста*», т. е. если онъ оказался бы неисправнымъ на счетъ «духа и направленія». Словомъ такой клиницистъ не привыкъ къ контролю и желаетъ всячески избавиться отъ него. И какія неслыханныя вещи вдругъ открываются и представляются медицинскому факультету, не обратившему до сихъ поръ надлежащаго вниманія на «духъ и направленіе» при вскрытіяхъ!

Откуда вдругъ взялись нѣкоторые случаи трупосѣченій, «*представляющіе особенный чисто-клинический интересъ*»? Какія-же это «*кажущіяся мелочи, очень важныя для клинициста и вовсе не имѣющія цѣны и смысла въ глазахъ патолого-анатома*». Изъ чего же другого состоитъ протоколъ вскрытія, какъ именно изъ мелочей описанія *положенія, объема, формы органовъ, качества и мѣста ихъ пораженія*. Какой же

трупъ когда либо вынуждать *секцію, производимую самими клиницистами съ особенною прежде обдуманною цѣлью?*» и т. д.

Категорическія требованія клинициста могутъ свидѣтельствовать объ извѣстной энергіи, которую высказать, конечно, не трудно, въ особенности, если не подумаешь, куда она ведетъ. Однакожь, изъ рапорта г. Маровскаго явствуетъ, что онъ скорѣе готовъ занимать студентовъ на трупѣ *«въ высшей степени поучительными діагностическими этюдами»* à la Traube, нежели выслушивать правильно составленный протоколъ; ему не такъ нужна *вся истина*, разъясненіе *всего*, что найдено на трупѣ, нѣтъ, онъ будетъ довольствоваться толкованіемъ болѣе цѣлесообразнымъ, подходящимъ къ его клиническимъ предположеніямъ; а это уже не исключаетъ и возможности насильствовать природу, извращать факты и обманывать окружающихъ, въ особенности, если имѣются въ виду высшія *соціальныя соображенія и нравственныя цѣли*.

Дѣйствительно, такіе мотивы и находятся въ рапортѣ г. Маровскаго. Онъ находитъ, что *другъ и родственникъ покойника имѣютъ неотъемлемое право узнать до послѣднихъ мелочей всю подробности* (должно быть и микроскопическія и химическія), *касающіяся умершаго*. Это, конечно, нужно представить г. Маровскому, потому что, не говоря уже о членахъ медицинскаго факультета, едвали въ врачебномъ сословіи найдется человекъ, который рѣшился бы предпринять невозможное. Если же г. Маровскій думаетъ, что *присутствіе родственниковъ при вскрытіи не запрещается, что мы даже должны желать ея*, то это уже противорѣчитъ его собственнымъ словамъ, гдѣ онъ говоритъ о *щекотливости чувствъ* и объ *обществѣ*, которое будто *враждебно смотритъ на вскрытія*. Мнѣ самому кажется, что сказанное о щекотливости чувствъ болѣе вѣрно, чѣмъ предположеніе о враждебномъ взглядѣ общества. Кому не извѣстно, что люди въ большинствѣ, по естественному отвращенію, сами избѣгаютъ подобныхъ зрѣлищъ, какъ трупосѣченія? что непривыкшіе къ подобнымъ занятіямъ падаютъ въ обморокъ и даже заболѣваютъ другими нервными припадками?... и что поэтому постороннимъ лицамъ присутствіе при вскрытіяхъ нигдѣ не позволяется? Но самый странный взглядъ г. Маровскаго на эти отношенія клиники къ обществу высказывается въ томъ, что онъ, надѣясь убѣдить родственниковъ, присутствующихъ при вскрытіи, въ томъ, что *«смерть больного не зависѣла отъ дурной терапіи, а отъ сущности самаго болѣзненнаго процесса»*, ожидаетъ потомъ, что *«это лучше всего возстановляло-бы довѣріе публики къ заведенію и служило-бы нравственной поддержкой и оправданіемъ клинициста»*.

Казалось бы послѣ этого, что г. Маровскій обладаетъ гумористическимъ талантомъ и способностью сочинить сатиру на самого себя. Но мо-

жетъ быть, что это написано и не въ шутку, что это его серьезное убѣжденіе. Въ такомъ случаѣ я желалъ бы знать, кто раздѣляетъ подобное мнѣніе? Я полагаю, что довѣріе публики къ клиникѣ пріобрѣтается и *«воз-
становляется»* совсѣмъ другими путями, нежели посредствомъ трупосѣченій. Общество видитъ въ клиникѣ, равно какъ и въ благоустроенной больницѣ, только учрежденіе для *спасенія* отъ страданій, для *леченія* отъ болѣзней; научная же цѣль нашихъ изслѣдованій ему чужда и мало понятна. Поэтому и *«нравственной поддержки»* клиницисту не слѣдуетъ искать въ тѣхъ иллюзорныхъ соображеніяхъ, гдѣ ея найти нельзя. Объ этомъ впрочемъ трудно спорить съ клиницистомъ, незнающимъ болѣе благородныхъ мотивовъ при исполненіи своихъ обязанностей по клиникѣ, какъ только *«опасеніе скомпрометироваться передъ публикой»*, почему онъ и прибавляетъ обѣщаніе *«приложить всѣ старанія для точной діагностики и правильнаго леченія»*.

Высказавъ свое мнѣніе объ основныхъ идеяхъ, руководимыхъ г. Маровскимъ при составленіи рапорта, мнѣ остается еще прибавить нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ его вопросовъ. Отвѣты на эти вопросы отличаются той необыкновенной силой логики, что, по словамъ г. Маровскаго, *«первый изъ нихъ разрѣшается самъ собою»*, а слѣдующіе 4 вытекаютъ одинъ изъ другаго. Всѣ они представлены какъ 7 новыхъ положеній взамѣнъ § 83.

«I. Больные, пользующіеся въ клиникахъ, составляютъ неотъемлемый научный матеріалъ профессора соответственной клиники» и т. д.

Такъ какъ въ этомъ параграфѣ рѣчь идетъ о *больныхъ*, то онъ не относится къ трупосѣченіямъ, слѣдовательно мнѣ, какъ анатому, о немъ можно и не говорить. Прибавленіе: *«Патолого-анатомъ приглашается только въ качествѣ эксперта»* и т. д. то же не идетъ къ дѣлу, потому что къ больнымъ приглашаются вообще врачи въ качествѣ консультантовъ.

Но можетъ быть, что и въ этомъ положеніи кроется задняя мысль и что г. Маровскій, говоря о больныхъ, собственно думаетъ о трупахъ. Это даже вѣроятно, потому, что вслѣдъ за *больными* § 2 и § 3 уже говорятъ о препаратахъ.

«II. Найденные (гдѣ?) патолого-анатомическіе препараты только съ согласія директора соответственной клиники могутъ быть взяты для составленія патолого-анатомическаго кабинета».

Это положеніе имѣетъ двѣ стороны, одну психологическую или такъ сказать идеальную, другую практическую или реальную; первая показываетъ до какой степени властолюбіе овладѣло г. Маровскимъ, когда онъ, не сдѣлавъ еще никакого предложенія на счетъ трупосѣченія, въ случаяхъ смерти больныхъ, пользующихся по § I въ клиникѣ, считаетъ нужнымъ зая-

вить въ особомъ положеніи (§ II) предлогъ къ разнымъ придиркамъ относительно *препаратовъ*.

Такъ какъ я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться съ выраженіемъ этой прихотливости г. Маровскаго, но «*repetatur dosis*» не желаю, то я надѣюсь, что и медицинскій факультетъ сочтетъ возможнымъ не подвергать патолого-анатома при исполненіи его обязанностей совершенно лишнимъ шансамъ индивидуальнаго расположенія. Другая практическая сторона этого положенія состоитъ въ контролѣ надъ препаратами, который былъ-бы только тогда возможнымъ и удобоисполнимымъ, если бы директоръ терапевтической клиники рѣшился взяться самъ за черную работу, чтобы послѣ вскрытія собственноручно убирать всѣ трупныя части, зашивать трупы и хоронить ихъ. Но такъ какъ подобныя занятія прислуги не совмѣстны съ достоинствомъ клинициста и такъ какъ подобнымъ поставленіемъ примѣра нѣтъ, то и медицинскій факультетъ едва-ли найдетъ нужнымъ такое нововведеніе, которымъ возлагалась бы на клинициста обязанность не бывающая, непріятная и при этомъ довольно не научная. И такъ *sicco pede transeamus* къ слѣдующему §.

„III. *Найденные патолого-анатомическіе препараты, если директоръ клиники сочтетъ возможнымъ предоставить ихъ патолого-анатомическому кабинету, поступаютъ въ вѣдѣніе профессора патологической анатоміи или его прозектора только послѣ предварительнаго обстоятельнаго изслѣдованія ихъ профессоромъ клиники и демонстраціи студентамъ при изложеніи эпикриза болѣзненнаго случая*».

Въ этомъ положеніи кромѣ замысловатыхъ и лишнихъ зацѣпокъ, что въ § 2, требуется еще предварительное и обстоятельное изслѣдованіе препаратовъ профессоромъ клиники. Для этой цѣли было бы прежде всего нужно выхлопотать въ правленіи университета особое для г. Маровскаго анатомическое заведеніе со всѣми принадлежностями и, пожалуй, съ достаточной для такихъ „*обстоятельныхъ*“ *занятій* суммой, какая примѣрно отпускается на анатомическій кабинетъ. Если же г. Маровскій считаетъ за собою право пользоваться пособиями анатомическаго кабинета или суммой, отпускаемой на анатомическія занятія то это ничто другое, какъ невѣрное предположеніе; такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ § III оказывается неисполнимымъ.

Впрочемъ и обязанности патолого-анатома несовмѣстимы съ предлагаемымъ г. Маровскимъ измѣненіемъ настоящаго порядка. Анатомъ нерѣдко во время самаго вскрытія долженъ щадить нѣкоторые органы, чтобы послѣ вскрытія осторожнымъ зондированіемъ, напр., протоковъ и извѣстныхъ сосудовъ представить измѣненныя болѣзненнымъ процессомъ отношенія, чтобы они были годны для демонстраціи. Другой разъ приходится

наливать извѣстный органъ, чтобы въ немъ представить настоящее значеніе болѣзненныхъ измѣненій. Есть трупныя части, которыя однимъ нечаяннымъ разрѣзомъ можно испортить безвозвратно. Бываютъ случаи, въ особенности болѣзненныхъ измѣненій мозга, случаи нѣжныхъ новообразованій и проч., гдѣ однимъ неосторожнымъ прикосновеніемъ неопытной руки стирается все то, что и составляетъ единственный и существенный предметъ демонстрируемаго уклоненія. Уже изъ этихъ примѣровъ явствуетъ, что только такой анатомъ, который или не знаетъ своей задачи, или пренебрегаетъ естественнымъ матеріаломъ, могъ бы согласиться, что—послѣ трупосѣченія, сдѣланнаго имъ самимъ, приступилъ бы кто-нибудь другой и сталъ бы рыться въ препаратъ или, лучше сказать, въ *органъ*, требующемъ препарации, будто для «предварительнаго обстоятельнаго изслѣдованія», и что послѣ уже, когда предметъ сдѣлается никуда негоднымъ, остатки его поступили бы обратно въ руки анатома и то еще—какая любезность! „если директоръ клиники сочтетъ возможнымъ“.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что есть клиницисты, любящіе и анатомію, но любовь любви рознь. Самые страстные, даже отчаянные любители наукъ и искусствъ, это, какъ извѣстно, такъ называемые κατ' ἐξοχήν любители (дилетанты); но сколько пользы и сколько вреда принесъ дилетантизмъ наукъ и искусству, давно рѣшено. Я, впрочемъ, не принадлежу къ тѣмъ, кто отбиваетъ у другихъ желаніе и охоту поучиться на самомъ препаратѣ; напротивъ, я никогда не отказывалъ никому, ни г. Маровскому въ томъ, чтобы, напр., для гистологической повѣрки срѣзать такую часть органа, отсутствіе которой не нарушаетъ цѣлости анатомическаго препарата. Что касается въ особенности *жидкостей*, требуемыхъ г. Маровскимъ „для дальнѣйшаго разъясненія болѣзненныхъ явленій при жизни“, то съ моей стороны затрудненія никогда не будетъ, потому что жидкости не составляютъ сохраняемыхъ препаратовъ; г. Маровскій можетъ запастись на всякій разъ достаточнымъ количествомъ закупоренныхъ банокъ, чтобы при трупѣ хоть «для разъясненія какой-нибудь важной научной проблемы» набрать жидкостей, сколько угодно. Но на счетъ *тканей*, требуемыхъ г. Маровскимъ вмѣстѣ съ жидкостями, я признаюсь не знаю метода, какъ бы послѣ вскрытія въ скорости отдѣлить отъ самыхъ органовъ, и показѣтъ не сдѣлается извѣстнымъ въ наукѣ способъ такой сепаровки, напр., соединительной ткани изъ печени, я долженъ считать и это требованіе г. Маровскаго, наравнѣ съ другими, несбыточнымъ.

Изъ III положенія г. Маровскаго можно еще заключить, что было бы изъ свѣжихъ препаратовъ, и что изъ *патолого-анатомическаго музея*, если бы медицинскій факультетъ допустилъ какое-либо влияніе, тѣмъ болѣе господство г. Маровскаго въ чертѣ анатомическаго заведенія. Онъ—

cum grano salis—и теперь сравниваетъ музей съ арсеналомъ, въ которомъ «не слѣдуетъ складывать оружіе, когда оно нужно для войны». Если *сравненіе* музея съ арсеналомъ и удачно, то *выводъ* г. Маровскаго изъ этого сравненія хромаетъ. Если для войны нужно оружіе, то и необходимо отдавать заранѣе весь сырой матеріалъ ружейнику, дабы онъ изъ него выработалъ полезное оружіе, складываемое въ арсеналъ на случай борьбы, а не выдавать этотъ матеріалъ противнику на уничтоженіе. Точно такъ, заключаю я, нужно отдавать весь сырой матеріалъ, получаемый при трупообсѣченіи, анатому, дабы онъ изъ него выработалъ назидательные препараты, сохраняемые въ музей на случай научной борьбы, а отнюдь его не слѣдуетъ предоставлять г. Маровскому на изрѣзываніе, или химическое улетучиваніе, или просто на закапываніе въ землю. Медицинскій факультетъ можетъ при этомъ случаѣ принять къ свѣдѣнію, что г. Маровскій не изъ тѣхъ *„ученыхъ витязей, которымъ когда-нибудь понадобятся бы препараты“* изъ анатомическаго музея; я даже готовъ предположить, что онъ съ этими *„весьма и весьма неудовлетворительными“* пособиями, какъ онъ ихъ называетъ, никогда въ жизни дѣла не имѣлъ. Если такъ, то изъ этого слѣдуетъ, что для г. Маровскаго было бы несравненно выгоднѣе не высказывать своего мнѣнія, а то ему любой анатомъ отвѣтитъ,—онъ можетъ быть увѣренъ,—что его мнѣніе по этому вопросу составляетъ своего рода единственный объектъ, безъ котораго патолого-анатомическіе музеи обойдутся благополучно.

„§ IV. *Въ некоторыхъ случаяхъ... вскрытіе производится самимъ директоромъ соответственной клиники*“.

Прежде чѣмъ медицинскій факультетъ рѣшится предоставить клиническія вскрытія г. Маровскому нужно было бы, кромѣ вышеприведеннаго хозяйственнаго обзаведенія для анатомическихъ работъ въ чисто клиническомъ интересѣ, удостовѣриться еще въ присутствіи необходимыхъ для такихъ занятій условий, а именно: что г. Маровскій обладаетъ дѣйствительно техническимъ умѣніемъ и достаточною опытностью по патологическимъ вскрытіямъ,—далѣе, что у него есть спокойный критическій взглядъ безъ предразсудковъ, желаніе и способность не обманывать самого себя, рѣшимость отказаться отъ невѣрныхъ клиническихъ предположеній въ виду неотразимыхъ фактовъ, собираемыхъ при трупообсѣченіяхъ; наконецъ, точное соблюденіе правилъ и законныхъ требованій при составленіи протокола и анатомическаго діагноза, а не упущеніи изъ виду общепринятаго метода и порядка, въ родѣ того, какъ пустыя доски въ клиникѣ.

Въ виду совершившагося на нашихъ глазахъ, послѣ письменнаго заявленія г. Маровскаго рапортомъ отъ 15 марта, при его столь своеобразной цѣли, послѣ заявленія столь невѣрныхъ мотивовъ и столь не-

основательныхъ предположеній, медицинскій факультетъ и въ такомъ случаѣ, если бы настоящаго порядка у насъ не было, долженъ бы быть, по моему мнѣнію, немедленно его ввести и со всей энергіей настаивать на точномъ соблюденіи его постановленій, какъ единственнаго средства для правильнаго научнаго контроля, въ смыслѣ § 83.

„V. Клиницистъ въ правѣ предлагать патолого-анатому во время самаго вскрытія вопросы... патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать ему на эти вопросы...“

Мнѣ очень жаль, что, хотя г. Маровскій и былъ въ Берлинѣ, все-таки не имѣлъ возможности присмотрѣться болѣе и вникнуть лучше въ способы правильнаго производства вскрытій, соблюдаемаго въ благоустроенныхъ заведеніяхъ; иначе онъ зналъ бы, какая несообразная идея вышла изъ подъ его пера. Мнѣ совѣстно замѣтить, что дурная привычка перебивать рѣчь другаго, противорѣчить самымъ обыкновеннымъ правиламъ обыденнаго сношенія въ порядочномъ обществѣ. А г. Маровскій хочетъ такое оригинальное предложеніе *неприличія* возвести въ *правила* университетскихъ занятій! Подумалъ ли онъ, какое значеніе получило бы научное занятіе, каково именно было бы трупосѣченіе, если диктовка протокола преобразилась бы въ бесплодную, хотя бы и ученую болтовню? Понимаетъ-ли онъ, что студенты, присутствующіе при вскрытіи, могутъ принимать предлагаемые клиницистомъ вопросы за проявленіе незнанія общихъ теоремъ анатоміи или патологіи? Кромѣ того клиническія вскрытія занимаютъ по меньшей мѣрѣ отъ 1 до 1½ часа, нерѣдко и болѣе; какой же срокъ опредѣлить для нихъ, соображаясь съ извѣстными условіями ежедневныхъ обязанностей преподавателей и студентовъ? Не желаетъ-ли г. Маровскій зацѣпиться за такое положеніе, если бы «духъ и направленіе» не помогли?

Г. Маровскій утверждаетъ, что «патолого-анатомъ обязанъ отвѣчать на его вопросы именно во время вскрытія». Единственный отвѣтъ, который патолого-анатомъ можетъ дать во время вскрытія, это разъ навсегда—протоколъ и опредѣленіе болѣзни. Я думаю, что практическая медицина считалась бы достигнутой вершины своего совершенства, если бы средства діагностики какъ-нибудь дошли до того, чтобы при жизни на всѣ вопросы можно было отвѣчать такъ положительно и угадать при больномъ все то, что откроется при трупосѣченіи.

Но г. Маровскій сильно ошибается, воображая себѣ, что „патолого-анатомъ, коль скоро онъ произвелъ вскрытіе... и портишилъ предложенные ему вопросы... роль его прекращается“. Напротивъ, тутъ она только и начинается! Вскрытіе—это такъ сказать увертюра, а настоящая опера идетъ уже послѣ и состоитъ изъ 3, 4, 5 актовъ, судя по сюжету. Тутъ исполняется приготовленіе свѣжихъ препаратовъ для демонстраціи, инъе-

пированіе ихъ, микроскопическое и химическое изслѣдованіе, сниманіе рисунковъ съ замѣчательныхъ предметовъ, препаровка ихъ для сохраненія въ кабинетъ, повѣрка и дополненіе протокола и, наконецъ, критическій разборъ и обзоръ всего излагаемаго на слѣдующей послѣ вскрытія лекціи. Въ этомъ *final'н* нашей оперы повторяются вкратцѣ важные мотивы увертюры, но, что главное, собираются всѣ выводы и заключенія изслѣдованія въ одно совокупное гармоническое *цѣлое*, изъ чего студенты составляютъ свои записки, а потомъ уже занавѣсъ опускается.

Это можетъ быть для г. Маровскаго новость, для медицинскаго факультета—нѣтъ; конечно, все сказанное исполняется не для г. Маровскаго, а для студентовъ и для патолого-анатомическаго кабинета; можно только сожалѣть, что г. Маровскій, какъ клиницистъ, *„который не знаетъ отдыха“*, не можетъ принимать участіе во всемъ, что составляетъ неразлучное съ патологическимъ вскрытіемъ занятіе анатома.

Въ этомъ же § V вмѣняется патолого-анатому *„употребить всѣ способы и средства своей науки для разясненія болѣзненнаго случая и отысканія причины смерти“*. Я спрашиваю: какъ же патолого-анатомъ можетъ исполнить эту обязанность *„употребить всѣ способы и средства своей науки и т. д.“*, если, по словамъ того же самаго г. Маровскаго *роль патолого-анатома* прекращается съ производствомъ вскрытія?... А такіе остроумныя соображенія предлагаются однимъ членомъ медицинскаго факультета—Совѣту и г. попечителю для возведенія ихъ въ законную форму!... До сихъ поръ не было случая, чтобы медицинскій факультетъ былъ вынужденъ сдѣлать патолого-анатому замѣчаніе за неисполненіе его обязанностей; послѣднія неперемѣнно связаны съ порученіемъ ему преподаванія патологической анатоміи, т. е. онѣ составляютъ его должность. Но требовать, чтобы медицинскій факультетъ главную и основную задачу патолого-анатома при вскрытіяхъ *„употребить всѣ способы и средства своей науки для разясненія болѣзненнаго процесса и отысканія причины смерти“*—ни съ того, ни съ сего взять да внесъ бы въ видѣ V положенія о клиникахъ,—это, по моему мнѣнію, значитъ предполагать, что медицинскій факультетъ находится въ какомъ-то отуманенномъ состояніи, забывая, что это предложеніе г. Маровскаго содержитъ только дефиницію должности патолого-анатома при вскрытіяхъ.

„VI. Вскрытія труповъ умершихъ въ клиникахъ должны быть производимы въ особенной для этого устроенной комнатѣ или часовнѣ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ... въ анатомическомъ театрѣ“.

Представляя этотъ пунктъ на обсужденіе правленія, гігіены и медицинской полиціи, я позволяю себѣ только повторить сказанное мною въ собраніи факультета 11 марта, что не могу согласиться производить вскры-

тія труповъ терапевтической клиники въ часовні и съ какимъ-то „домашнимъ характеромъ“. Вскрытія должны быть производимы, какъ было до сихъ поръ, въ анатомическомъ театрѣ и притомъ съ характеромъ официальнымъ, какъ слѣдуетъ. Мои частныя и уважительныя на это мотивы я готовъ каждому члену факультета и Совѣта сообщить отдѣльно.

„VII. Вскрытія клиническихъ труповъ должны быть производимы въ часъ клиническихъ лекцій“.

Мотивируя это свое послѣднее положеніе, г. Маровскій не могъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить еще разъ медицинскому факультету, что онъ былъ въ Берлинѣ. Не сомнѣваясь ни мало въ этомъ фактѣ, можно только спросить, зачѣмъ же утруждать факультетъ такими же рассказами, неидущими къ дѣлу, какъ именно о томъ, сколько разъ, когда и какъ тамъ вскрываютъ? Не достаточно-ли знать, что мы вскрываемъ всякій разъ, какъ трупъ есть. *Въ которомъ часу* у насъ должны быть производимы клиническія вскрытія вообще, это, по моему мнѣнію, не предметъ положенія о клиникахъ, а скорѣе вопросъ ежегодно измѣняемаго по благоусмотрѣнію медицинскаго факультета *рописанія лекцій*, а говоря въ частности о трупахъ терапевтической клиники, трудно согласиться съ предложеніемъ г. Маровскаго уже потому, что въ зимнее время до 10 час. утра никакихъ работъ анатомическихъ съ успѣхомъ предпринять нельзя. Кромѣ того нужно выслушать еще и мнѣніе другихъ клиницистовъ о томъ, могутъ-ли они также сокращать время, предназначенное для ихъ клиническихъ занятій въ пользу вскрытій, какъ это готовъ сдѣлать г. Маровскій?

Остальныя основанія, именно *равномерное распределение труда* и польза *студентовъ*, были бы справедливы, если бы сказанное о нихъ г. Маровскимъ соответствовало дѣйствительности. Медицинскому факультету извѣстно, что я въ продолженіи почти цѣлыхъ 4 лѣтъ былъ обремененъ тремя предметами и теперь, когда начиналъ освобождаться и желаю не имѣть другихъ обязанностей, кромѣ по патологической анатоміи, все еще занять по 3—4 часа въ день, иногда и больше, потому что систематическія лекціи о демонстративныхъ предметахъ требуютъ больше приготовленія, времени и труда, чѣмъ двухчасовой осмотръ больныхъ въ терапевтической клиникѣ. Наконецъ, въ виду занятій въ больницѣ на Сабуровой дачѣ, предпринимаемыхъ мною, начиная съ будущаго семестра, въ пользу университета, труда моего не убавится, а еще прибавится. Съ другой стороны, желая принести пользу студентамъ, я думаю, что пользы будетъ больше, если можно будетъ при рописаніи лекцій устроить такъ, чтобы всѣ студенты 4 и 5 курсовъ и слушатели патологической анатоміи участвовали при вскрытіяхъ, а не только одни студенты 4 и 5 курсовъ.

Въ заключеніе прибавлю, что § 83 положеній о клиникахъ, по моему мнѣнію, можетъ остаться въ главномъ своемъ основаніи нетронутымъ; считаю, впрочемъ, не лишнимъ вставить вслѣдъ за словами: „*трупы умершихъ въ клиникъ вскрываются*“—дополнительныя слова: „*въ анатомическомъ театрѣ*“. Это дополненіе становится даже необходимымъ въ виду дѣйствій г. Маровскаго, который позволилъ себѣ *сдѣлать самъ вскрытіе трупа терапевтической клиники 6 апрѣля 1867 года въ часовнѣ*, подавъ фактическое доказательство нарушенія университетскихъ правилъ, о чемъ нахожу необходимымъ донести немедленно Совѣту. Проф. Д. Лямбль. Харьковъ. 7 апрѣля 1867 года.

Кромѣ только что приведеннаго рапорта проф. Лябля, въ засѣданіи факультета 7 апрѣля заслушаны были рапорты еще трехъ гг. профессоровъ: Питры І, Зарубина и Лазаревича, въ которыхъ они, разбирая предложенныя проф. Маровскимъ измѣненія и дополненія § 83 клиническихъ правилъ, по различнымъ мотивамъ нашли совершенно ненужными, противорѣчащими, какъ нынѣ дѣйствующимъ положеніямъ, такъ равно и правильному образованію гг. студентовъ.

Затѣмъ гг. члены факультета имѣли разсужденіе о предложенныхъ проф. Маровскимъ измѣненіяхъ § 83 положенія о клиникахъ, подробно изложенныхъ въ вышеприведенномъ рапортѣ проф. Маровскаго, при чемъ и положили слѣдующую резолюцію: «Не находя по большинству голосовъ достаточныхъ причинъ для измѣненія § 83 клиническаго устава, предлагаемаго проф. Маровскимъ, оставить его въ настоящемъ видѣ».

Въ томъ же засѣданіи факультета 7 апрѣля выслушанъ рапортъ проф. Лябля, въ которомъ онъ заявилъ факультету, что, въ противность § 83 положеній о клиникахъ, проф. Маровскій произвелъ 6 апрѣля сего года самъ вскрытіе трупа больного, умершаго въ терапевтической клиникѣ. Съ своей стороны проф. Маровскій объяснилъ, что имъ дѣйствительно сдѣланы въ послѣднее время два вскрытія, безъ присутствія проф. Лябля, одно 6-го, а другое 7 апрѣля, и что онъ вынужденъ былъ къ этому отказомъ проф. Лябля произвести эти вскрытія. Проф. Лямбль, объясняя причины воздержанія его отъ вскрытія, замѣтилъ, что онъ нисколько не отказывался отъ вскрытія труповъ, заявленныхъ ему проф. Маровскимъ, чрезъ ординатора терапевтической клиники, но не соглашался произвести ихъ въ часъ лекцій терапевтической клиники и въ клиническіе часы, въ которые требовалъ проф. Маровскій, основываясь на томъ, что вскрытія до сихъ поръ производились всегда въ анатомическомъ театрѣ и въ часы, назначенные для преподаванія патологической анатоміи. Затѣмъ деканъ факультета Демонси заявилъ, что наканунѣ произведеннаго вскрытія (6-го апрѣля) проф. Маровскій заявилъ ему, какъ объ отказѣ проф. Лябля,

такъ и о своемъ намѣреніи произвести вскрытіе, безъ присутствія профессора патологической анатоміи. Вслѣдствіе этого г. деканъ письменно обратился къ проф. Маровскому съ предупрежденіемъ, что предполагаемое имъ дѣйствіе составляетъ прямое нарушеніе § 83 положенія о клиникѣ, на что проф. Маровскій отвѣчалъ однако, что онъ не можетъ оставить трупъ безъ вскрытія, такъ какъ онъ объявилъ уже о немъ своимъ слушателямъ студентамъ ¹⁾.

¹⁾ При дѣлахъ факультета по поводу произведенныхъ проф. Маровскимъ вскрытій сохранились три письма: а) отъ г. декана Демонси къ проф. Маровскому, б) отвѣтъ Маровскаго г. декану и с) письмо проф. Лямбля г. декану.

а) М. Г. Людвигъ Александровичъ! Три недѣли тому назадъ гг. членами медицинскаго факультета было рѣшено исполнять § 83 клиническаго устава, впредь до измѣненія его законнымъ порядкомъ. Вскрывая сегодня трупъ сами въ клиническіе часы, безъ профессора патологической анатоміи, Вы нарушаете этимъ § 83 и повѣрьте, что проф. Лямбль объ этомъ заявитъ факультету и поэтому я не совѣтую Вамъ самимъ вскрывать трупъ. К. Демонси. 6 апрѣля 1867 г.

б) Письменный отвѣтъ проф. Маровскаго г. декану, въ которомъ онъ говоритъ, „что къ несчастью нельзя оставить трупа безъ вскрытія, потому что я объявилъ уже студентамъ, что трупъ будетъ вскрывать проф. Лямбль, а потомъ о *нежеланіи проф. Лямбля производить вскрытіе мнѣ было заявлено ч. Костенко публично при студентахъ*; тогда я объявилъ, что самъ буду вскрывать трупъ. Теперь отступать нельзя, такъ какъ студенты будутъ въ правѣ говорить, что ссора профессоровъ отражается на преподаваніи; съ другой стороны друзья мои постараются распустиť по городу слухи, что я безъ проф. Лямбля не сумѣю сдѣлать вскрытія“. Затѣмъ далѣе онъ говоритъ, что не онъ „а Лямбль нарушилъ § устава, отказавшись вскрывать“, „что еще предвидится вскрытіе трупа изъ клиники, гдѣ желательнo бы было, чтобы вскрывалъ Лямбль, такъ какъ потребуется вскрывать спинной мозгъ, что для непривычнаго вскрывать не всегда удобно“.

с) Письмо проф. Лямбля къ г. декану отъ 8 апрѣля:

Ваше Превосходительство, м. г., Карлъ Александровичъ! Покорно Васъ прошу принять въ соображеніе въ дѣлѣ о незаконномъ производствѣ вскрытія г. Маровскимъ *фактическія* обстоятельства и сравнить ихъ съ его своеобразнымъ *толкованіемъ*. Послѣ частнаго засѣданія 11 марта были произведены мною два вскрытія изъ терапевтической клиники (15 и 23 марта) въ анатомическомъ театрѣ, въ часъ патолого-анатомическихъ занятій, безъ нарушенія приличія, слѣдовательно сообразно § 83 и по прежнему порядку.

Кромѣ того было (2 апрѣля) вскрытіе хирургической клиники, произведенное мною въ 12 часу въ часовнѣ, тоже съ соблюденіемъ § 83 и по прежнему порядку.

Послѣ того 5 апрѣля ординаторъ терапевтической клиники, г. *Костенко*, приглашалъ меня въ присутствіи врачей гг. *Попова* и *Котелевскаго* къ двумъ вскрытіямъ труповъ терапевтической клиники въ 9 часовъ въ часовнѣ. Я ему отвѣчалъ слѣдующее: „Я всякій день отъ 12 до 3 часовъ въ анатомическомъ театрѣ и готовъ вскрывать завтра въ это время, по прежнему порядку, хотя оба трупа отъ 12 до 2-хъ часовъ, какъ бы ни было обременительно для меня, читать послѣ двухъ вскрытій еще свою лекцію; но чтожъ дѣлать, два трупа въ одинъ день—это рѣдко бываетъ. Въ 9 часовъ или въ часовнѣ вскрывать не буду“.

Послѣ обсужденія совершившагося факта вскрытія труповъ самимъ проф. Маровскимъ, члены факультета положили: Такъ какъ изъ всего вышеприведеннаго оказывается, что нарушеніе г. Маровскимъ § 83 положенія имѣть своей причиною нѣкоторую неточность въ изложеніи этого параграфа, не опредѣляющаго мѣста и времени вскрытія, то факультетъ, имѣя въ виду предотвратить на будущее время всякую возможность уклоненія отъ смысла означеннаго параграфа, положилъ: вскрытій въ клиническихъ зданіяхъ отнынѣ вовсе не производить, трупы же умершихъ въ клиникахъ больныхъ, назначенные для вскрытія, передавать въ анатомическій театръ, какъ мѣсто, въ настоящее время наиболѣе для того удобное; время для вскрытія избирать на каждое полугодіе такъ, чтобы при нихъ могли присутствовать студенты 3, 4 и 5 курсовъ, въ настоящемъ же академическомъ году производить вскрытія по примѣру прошедшаго времени въ часы лекцій патологической анатоміи; о нарушеніи же клиническаго положенія проф. Маровскимъ довести до свѣдѣнія Совѣта университета.

Въ томъ же засѣданіи факультета 7 апрѣля заслушанъ второй рапортъ проф. Маровскаго, въ которомъ онъ предлагаетъ на обсужденіе факультета нѣкоторыя прибавленія къ статьѣ клиническаго положенія, опредѣляющей обязанности ординаторовъ. По поводу этого рапорта прочитаны

Обсудите сами, Карлъ Александровичъ, правъ ли я или нѣтъ, если скажу, что только отъявленный рабулистъ можетъ придать словамъ моимъ такое значеніе, что будто я отказался вскрывать!

Если я, соображаясь съ многосложными занятіями В. О. Грубе, нетерпящими отклада, могъ согласиться сдѣлать вскрытіе, по его желанію, въ часовнѣ въ 12 часу, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что я, не имѣя на это никакого основанія, долженъ и согласиться съ капризомъ г. Маровскаго производить вскрытіе въ 9 часовъ въ часовнѣ. Напротивъ, рѣшеніемъ факультета, состоявшимся 11 марта *только* и по поводу неосновательныхъ претензій г. Маровскаго, я былъ въ полномъ правѣ ожидать, что производство вскрытій труповъ терапевтической клиники въ анатомическомъ театрѣ по прежнему порядку, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и что, такъ какъ уже два вскрытія были уже произведены въ томъ же порядкѣ какъ всегда, новыхъ придирокъ не будетъ. Наконецъ, смотря на эти событія съ самой строгой юридической точки зрѣнія, нельзя не признать, что при вскрытіи хирургическаго трупа 2 апрѣля были исполнены *всѣ требованія § 83*, тутъ былъ и патолого-анатомъ и протоколъ, сохраняемый въ архивѣ анатомическаго кабинета, и препараты, предоставленные анатомическому кабинету. Напротивъ, дѣйствіями г. Маровскаго, 6 и 7 апрѣля, *всѣ эти требованія были нарушены*.

Полагая, что Вамъ, Карлъ Александровичъ, къ докладу объ этомъ событіи въ засѣданіи Совѣта, имѣющаго быть въ понедѣльникъ 10 апрѣля, необходимо знать въ точности все то, что къ дѣлу относится, я считаю долгомъ утруждать Васъ этою запискою.

Свидѣтельствуя Вамъ, Карлъ Александровичъ, мое глубокое уваженіе, имѣю честь быть Вамъ преданный Д. Лямбль.

были письменныя мнѣнія проф. Питры I и Лазаревича. По окончаніи сужденія, факультетъ, не находя нужнымъ дѣлать предложенныхъ Маровскимъ прибавленій, положилъ: оставить упомянутый отдѣлъ клиническихъ положеній безъ измѣненій.

Въ засѣданіи, 25 апрѣля 1867 года, медицинскаго факультета заслушанъ рапортъ проф. Маровскаго слѣдующаго содержанія: «Въ дополненіе къ рапорту моему отъ 16 марта с. г. (съ проектомъ измѣненія и дополненія § 83 клин. полож.) довожу до свѣдѣнія медицинскаго факультета, что послѣ обсужденія въ факультетѣ § 83 клиническаго устава и рѣшенія его 7 апрѣля, я нахожу излишнимъ дальнѣйшее обсужденіе этого дѣла въ Совѣтѣ». Рапортъ этотъ факультетъ принялъ къ свѣдѣнію.

Въ тоже засѣданіе поступилъ рапортъ проф. Грубе, въ коемъ онъ объясняетъ причины, побудившія его просить проф. Лямбля вскрыть трупъ 2 апрѣля, въ 12 часовъ, въ часовніѣ. Причины эти слѣдующія: 1) неотступныя просьбы родственниковъ скорѣе отдать трупъ, 2) необходимость вскрытія (хотя бы одной брюшной полости), 3) вѣроисповѣдываніе умершей, такъ какъ у евреевъ всѣ противъ вскрытія.

Хотя вскрытіе производилось въ часовніѣ и въ 12 часовъ, но всѣ условія § 83 были выполнены.

Факультетскій докладъ о нарушеніи проф. Маровскимъ § 83 положеній о клиникахъ поступилъ въ засѣданіе Совѣта университета 2 мая 1867 г., гдѣ, по прочтеніи доклада, деканъ медицинскаго факультета передалъ рапортъ проф. Маровскаго слѣдующаго содержанія:

«Такъ какъ медицинскій факультетъ въ засѣданіи своемъ 7 апрѣля настоящаго года рѣшилъ, на основаніи жалобы проф. Лямбля, довести до свѣдѣнія Совѣта университета о нарушеніи мною § 83 новаго клиническаго устава, то покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство представить на усмотрѣніе слѣдующее:

Я дѣйствительно самъ вскрылъ два трупа въ клинической секціонной комнатѣ, въ часъ клиническихъ лекцій, 6 и 7 апрѣля утромъ въ 9 часовъ, потому что проф. Лямбль отказался отъ вскрытія, если оно не будетъ производиться въ анатомическомъ театрѣ въ часы лекцій патологической анатоміи. Объ отказѣ проф. Лямбля я имѣлъ честь лично Вамъ докладывать вечеромъ 5 апрѣля, а потому 6-го утромъ по поводу Вашего письма письменно изложилъ мотивы, принуждающіе меня самого приступить къ вскрытію труповъ. Выборъ времени я вполне предоставилъ проф. Лямблю, но мѣстомъ вскрытія выбралъ клиническую секціонную комнату, потому, что умершіе принадлежали среднему сословію и къ тому же проф. Лямбль вскрывалъ уже раньше въ клинической секціонной комнатѣ трупъ изъ хирургической клиники 5 апрѣля въ 12 часовъ дня. Я совершенно

согласенъ съ тѣми мотивами, которые руководили г. проф. Грубе, при желаніи его вскрыть трупъ умершей еврейки въ клинической секціонной комнатѣ; но, допуская исключеніе для г. проф. Грубе, факультетъ долженъ допустить ихъ и для меня, а если г. проф. Лямбль не усумнился нарушить постановленіе факультета для проф. Грубе, то онъ тоже самое обязанъ былъ сдѣлать и для меня. Во всякомъ случаѣ проф. Лямбль былъ бы правъ только въ такомъ случаѣ, если бы онъ, по моему приглашенію, вскрылъ трупы умершихъ въ терапевтической клиникѣ, а потомъ уже донесъ факультету о нарушеніи мною его постановленій. Отказываясь отъ вскрытія, онъ столько же нарушилъ § 83 новаго клиническаго устава, сколько и я, вскрывая, по необходимости, безъ него. Назначая производство вскрытія въ клинической секціонной комнатѣ, ни я, ни проф. Лямбль и Грубе не нарушили § 83 новаго клиническаго устава, такъ какъ этимъ параграфомъ не опредѣляется время и мѣсто вскрытія. Всѣ мы однакоже нарушили одно изъ прежнихъ постановленій медицинскаго факультета, по которому всѣ трупы умершихъ въ клиникахъ должны быть вскрываемы въ анатомическомъ театрѣ, если же покойника нельзя будетъ вскрыть въ анатомическомъ театрѣ, то рѣшено было его вовсе не вскрывать. Но до вечера 7 апрѣля на этотъ счетъ не существовало еще письменнаго постановленія, протоколъ не былъ еще составленъ и подписанъ. 7 апрѣля составленъ былъ протоколъ, подписанный и проф. Лямблемъ, въ которомъ постановлено: «вскрытій въ клиническихъ зданіяхъ отнынѣ вовсе не производить, трупы же умершихъ въ клиникахъ больныхъ, назначаемые для вскрытій, передавать въ анатомическій театръ, какъ мѣсто въ настоящее время наиболѣе для того удобное и т. д.» Наконецъ, относительно времени вскрытія положено, чтобы въ настоящемъ полугодіи всѣ вскрытія были производимы въ часы лекцій патологической анатоміи. Не смотря на это категорическое постановленіе медицинскаго факультета, проф. Лямбль вмѣстѣ съ проф. Грубе, произвели вскрытіе трупа умершей въ хирургической клиникѣ дочери врача, въ клинической секціонной комнатѣ, 15 апрѣля ¹⁾ не въ часъ, назначенный для лекцій патологической анатоміи.

Подобныя дѣйствія проф. Лямбля я считаю преднамѣреннымъ нарушеніемъ правилъ, установленныхъ медицинскимъ факультетомъ въ засѣданіи 7 апрѣля 1867 года, не говоря уже о томъ, что здѣсь можно предполагать и другія побужденія.

По выслушаніи сего, проф. Сокальскій выразилъ мнѣніе: «Въ дѣлахъ медицинскаго факультета, въ которыхъ затронуты научныя медицинскіе

¹⁾ Какъ видно изъ вышеприведеннаго письма проф. Лямбля къ г. декану и рапорта проф. Грубе, вскрытіе трупа еврейки изъ хирургической клиники произведено было не 15 апрѣля, а 2 апрѣля 1867 года. Авт.

вопросы, ни одинъ факультетъ не можетъ быть вполне компетентнымъ судьей, кромѣ медицинскихъ же факультетовъ другихъ университетовъ Имперіи. Поэтому считаю неудобнымъ передавать подобныя дѣла на обсужденіе Совѣта для окончательныхъ рѣшеній, пока не высказались о тѣхъ же вопросахъ другіе медицинскіе факультеты».

Проф. Лямбль заявилъ: «Такъ какъ проф. Маровскій полагаетъ, что въ рапортѣ его, поданномъ въ медицинскій факультетъ, заключаются доводы его, имѣющіе предметомъ благосостояніе клиники, то я думаю, что Совѣтъ не можетъ оставить это дѣло безъ надлежащаго его разсмотрѣнія и постановленія».

Совѣтъ опредѣлить: просить медицинскій факультетъ доставить въ Совѣтъ всю переписку по этому предмету, а до того утвердить предложеніе медицинскаго факультета относительно вскрытій умершихъ въ клиникѣ.

Переписку о дѣлѣ Маровскаго медицинскій факультетъ представилъ въ Совѣтъ въ первыхъ числахъ октября мѣсяца и Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 10 октября выслушалъ все дѣло и закрытой баллотировкой призналъ проф. Маровскаго виновнымъ въ нарушеніи § 83 положенія о факультетскихъ клиникахъ, при чемъ 18 голосовъ признавали § 83 нарушеннымъ, а 5 нѣтъ. На основаніи этого опредѣленія предложенъ былъ для рѣшенія посредствомъ закрытой подачи голосовъ другой вопросъ: за нарушеніе г. Маровскимъ § 83 клиническаго положенія ограничиться-ли замѣчаніемъ ему отъ имени Совѣта, или же представить это дѣло на благоусмотрѣніе г. попечителя? Въ результатѣ оказалось, что 14 членовъ полагали сдѣлать за это г. Маровскому замѣчаніе отъ имени Совѣта, а 9—высказались, чтобы представить объ этомъ г. попечителю.

Независимо отъ вышеизложеннаго, проф. Лямбль въ рапортѣ своемъ, поданномъ въ Совѣтъ 2 октября, поставилъ для рѣшенія Совѣта, между прочимъ, вопросъ о томъ: «признаетъ-ли Совѣтъ въ свойствахъ г. проф. Маровскаго тѣ критеріи хорошаго клинициста и преподавателя, отъ которыхъ можно ожидать пользу для больныхъ и для студентовъ?»

Члены Совѣта, выслушавъ это заявленіе, изложенное въ рапортѣ г. Лямбли отъ 2 октября, положили: передать означенный рапортъ вмѣстѣ со вновь поданнымъ проф. Маровскимъ 10 октября рапортомъ на предварительное обсужденіе и заключеніе медицинскаго факультета.

Не успѣвъ еще медицинскій факультетъ представить въ Совѣтъ своего мнѣнія по поводу вопроса, предложеннаго проф. Лямблемъ Совѣту о достоинствахъ г. Маровскаго, какъ профессора и преподавателя, какъ въ Совѣтъ университета поступила жалоба ординаторовъ терапевтической клиники на незаконныя распоряженія проф. Маровскаго. Такъ въ протоколахъ засѣданій Совѣта университета 24, 27 и 31 октября 1867 г. мы читаемъ:

Доложено было: 1) Прошение ординаторовъ терапевтической клиники Костенко и Герценвица: «Директоръ терапевтической клиники, проф. Маровскій, возложилъ на насъ, кромѣ обязанностей, указанныхъ въ положеніи о факультетскихъ клиникахъ, еще многія другія обязанности. Изъ нихъ болѣе замѣчательныя слѣдующія:

1) Самимъ принимать больныхъ въ клинику, дѣлать діагностику ихъ болѣзней и писать ее на досточкахъ у кроватей больныхъ; назначать лѣкарства этимъ больнымъ по своему усмотрѣнію. Профессоръ же предоставляет себѣ право измѣнять какъ діагностику, такъ и лѣчение, когда ему заблагоразсудится. Поликлиника совершенно передана намъ и мы принимаемъ теперь приходящихъ больныхъ сами безъ присутствія студентовъ и профессора.

2) Каждый день утромъ и вечеромъ, до прихода студентовъ и профессора, измѣрять температуру, сосчитывать число дыханій и ударовъ пульса всѣхъ больныхъ и записывать все это въ скорбные листы, которые по клиническому положенію должны вестись студентами-практикантами.

3) Каждый день утромъ и вечеромъ подробно разспросить и осмотрѣть всѣхъ больныхъ, изслѣдовать, въ случаѣ надобности, какъ химически, такъ и микроскопически мочу и другія выдѣленія и передавать все указанное студентамъ и профессору, когда онъ пожелаетъ знать.

4) Принимая отъ студентовъ исторіи болѣзней, сами мы должны ихъ читать, поправлять, опредѣлять ихъ достоинства и недостатки, и, если бы чья-нибудь исторія оказалась плохою, то возвращать ее обратно студенту-практиканту для передѣлки отъ имени директора клиники.

5) Проф. Маровскій, измѣняя по своему усмотрѣнію составъ установленныхъ порцій (что не должно быть допущено по клиническому положенію), заставляетъ насъ подписывать видоизмѣненные такимъ образомъ порціонныя вѣдомости. Для примѣра мы приведемъ слѣдующій случай: 10 сентября 1867 года, въ 7 часу вечера, проф. Маровскій назначилъ больному Максиму Высоцкому 2-ю порцію, но съ условіемъ, чтобы вмѣсто чаю, входящаго въ составъ порціи больному, дано было молоко.

Ординаторъ Костенко просилъ профессора «Нельзя-ли измѣнить назначенную имъ условную порцію, такъ какъ въ напечатанныхъ порціонныхъ вѣдомостяхъ нѣтъ даже мѣста, гдѣ-бы можно было удобно прописать замѣну одной части порціи другою порціею и кромѣ того будутъ большія неудобства при повѣркѣ этихъ вѣдомостей». «Для всего, что я требую, должно быть мѣсто», былъ отвѣтъ проф. Маровскаго. На представленной ему тутъ-же порціонной вѣдомости профессоръ своеручно написалъ *вмѣсто чаю—молоко*, но замѣтилъ, что написано не у мѣста и вовсе не въ той графѣ, гдѣ записанъ Максимъ Высоцкій, онъ зачеркнулъ напи-

санное и снова написалъ въ другомъ мѣстѣ «вмѣсто чаю —молоко», и опять-таки не въ графѣ, гдѣ записана фамилія больного, которому назначалась эта условная порція. Но что замѣчательнѣе всего, такъ это то, что проф. Маровскій, испачкавъ такимъ образомъ порціонную вѣдомость, подъ написаннымъ своею рукою подписалъ чужую фамилію, именно ординатора Костенко. Когда же Костенко попросилъ профессора подписать подъ написаннымъ свою фамилію, а не его, то проф. Маровскій отвѣчалъ: «Не бойтесь! За такой пустякъ васъ суду не придадутъ», и тутъ же пальцемъ затеръ написанное.

Вѣдомость эта, испачканная такимъ образомъ, находится у смотрителя клиники. Свидѣтелями этого случая были, кромѣ насъ двухъ, фельдшеръ и студенты: Клобуцкій, Нееленко, Красновъ, Скабичевскій, Каленкевичъ, Баженовъ и Барановскій.

6) Наконецъ, по приказанію проф. Маровскаго одинъ изъ ординаторовъ при приѣмѣ больныхъ долженъ стараться, если возможно, брать плату съ больныхъ, принятыхъ въ клинику, не заявляя объ этомъ никому кромѣ профессора.

Взятые деньги должны храниться въ клиническомъ кабинетѣ, впредь до требованія ихъ профессоромъ.

Узнавъ случайно, что проф. Маровскій больныхъ, съ которыхъ взята плата, записываетъ безъ платы въ шнуровую книгу, хранящуюся у смотрителя клиники и самъ расходуетъ эти деньги, ординаторы Костенко и Ясинскій (нынѣ ординаторъ акушерской клиники) рѣшили, чтобы въ свое оправданіе имѣть какой-нибудь письменный документъ, записывать въ особую книгу фамиліи тѣхъ лицъ, съ кого и сколько получено денегъ и предлагать каждый разъ проф. Маровскому росписываться въ полученіи съ больныхъ денегъ. Книгу эту, запечатанную нашими печатами, имѣемъ честь препроводить къ Вашему Превосходительству.

Если мы до сихъ поръ исполняли всегда и все требованія проф. Маровскаго, то отчасти потому, что профессоръ всегда насъ увѣрялъ въ томъ, что все его распоряженія и требованія, ненаходящіеся въ прежнихъ клиническихъ положеніяхъ, вошли цѣликомъ въ новыя положенія о факультетскихъ клиникахъ, составленныя въ прошломъ году и которыя намъ тогда еще не были извѣстны, а отчасти и потому еще, что мы привыкли считать требованія такого лица, какъ профессоръ, да еще и директоръ клиники непогрѣшимыми и всегда законными; тѣмъ болѣе еще, что одинъ изъ насъ, именно ординаторъ Костенко, служилъ уже ординаторомъ при директорахъ клиники Ф. К. Альбрехтѣ, И. П. Лазаревичѣ, К. А. Демонси и Д. О. Лямблѣ и никогда не замѣтилъ, чтобы требованія ихъ были хоть сколько-нибудь сомнительными въ своей законности. Получивъ же теперь

новое положеніе о факультетскихъ клиникахъ, утвержденное и напечатанное по опредѣленію Совѣта университета, мы не нашли въ немъ много изъ того, что говорилъ и требовалъ отъ насъ проф. Маровскій. Это заставило насъ просить профессора, чтобы онъ требованія свои, невошедшія въ положеніе о клиникахъ, формулировалъ и изложилъ на бумагѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть письменный актъ, на основаніи котораго мы исполняли то или другое приказаніе профессора. На эту весьма уважительную и законную нашу просьбу проф. Маровскій отвѣчалъ: «Вы не имѣете никакого права разсуждать о законности моихъ требованій, а тѣмъ болѣе требовать отъ меня письменныхъ распоряженій, а обязаны, какъ подчиненные, исполнять безприкословно все мои словесныя требованія, какого-бы рода они ни были».

Получивъ такого рода отвѣтъ, мы рѣшились, продолжая исполнять все требованія проф. Маровскаго, обратиться съ просьбой къ Вашему Превосходительству.

И вотъ въ настоящее время мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой къ Вашему Превосходительству объяснить намъ: обязаны-ли мы, не подвергаясь отвѣтственности передъ закономъ, исполнять все вышеозначенныя и многія другія требованія проф. Маровскаго, невошедшія въ положеніе о факультетскихъ клиникахъ? И если только Вашему Превосходительству угодно будетъ возложить на насъ эту обязанность, то мы съ своей стороны обѣщаемся исполнять ихъ безприкословно и безъ малѣйшаго упущенія.

Впрочемъ, считаемъ не лишнимъ пояснить при этомъ насколько исполнимы эти требованія. Такъ, одно правильное измѣреніе температуры требуетъ, полагая на одного больнаго minimum $\frac{1}{4}$ часа, при 25 больныхъ $6\frac{1}{4}$ часовъ утромъ и $6\frac{1}{4}$ часовъ вечеромъ, итого $12\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки. Прибавьте къ этому время, нужное для исполненія законныхъ обязанностей и Вы, Ваше Превосходительство, увидите тогда ясно, что 24-хъ суточныхъ часовъ далеко недостаточно будетъ для добросовѣстнаго выполненія всего возлагаемаго на ординатора, если допустимъ даже, что онъ въ 24 часа не будетъ ни пить, ни ѣсть, ни спать.

Мы выше сказали, что въ новомъ положеніи о факультетскихъ клиникахъ мы не нашли много изъ того, что говорилъ и требовалъ отъ насъ проф. Маровскій; но справедливость заставляетъ насъ сознаться и въ томъ, что мы нашли въ новомъ положеніи кое-что такое, о чемъ даже не говорилъ и проф. Маровскій; это именно § 16 положенія, который обязываетъ одного изъ ординаторовъ *безотлучно* находиться въ клиникѣ въ теченіе сутокъ. Мы обращаемъ вниманіе Вашего Превосходительства на этотъ параграфъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Ординаторъ, остающійся на сутки въ клиникѣ безотлучно, долженъ или голодать цѣлыя сутки (такъ какъ ему казенной пищи не полагается), или же пускаться для утоленія голода на различнаго рода злоупотребленія.

2) По смыслу этого § ординаторъ не имѣетъ права оставить клинику ни на минуту, ни подъ какимъ видомъ. Значить будетъ-ли требовать его полиція, или же частное лицо въ извѣстныхъ случаяхъ, требующихъ немедленной помощи врача, ординаторъ, хотя бы ему время и позволяло, наотрѣзъ долженъ отказаться, т. е., иначе говоря, долженъ поступить противъ челоуѣколюбія, противъ совѣсти, противъ своего клятвеннаго обѣщанія и, наконецъ, противъ основныхъ Государственныхъ узаконеній.

3) Заявленіе ординатора акушерской клиники Ясинскаго: «Получивъ 20 сентября сего года отъ смотрителя клиники новое положеніе о факультетскихъ клиникахъ и, прочитывая оное, я нашелъ, что въ § 50 ясно сказано: съ больныхъ, поступившихъ въ клинику съ платою, принимаетъ деньги смотритель, клиники и записываетъ ихъ на приходъ въ особую шнуровую книгу. Припомнивъ теперь, что въ бытность мою ординаторомъ при терапевтической клиникѣ, совмѣстно съ ординаторомъ Костенко, директоръ терапевтической клиники г. проф. Маровскій объявилъ намъ, что по составленному тогда новому положенію о факультетскихъ клиникахъ, не смотритель, а директоръ клиники долженъ брать плату съ больныхъ, вслѣдствіе чего г. проф. Маровскій самъ бралъ таковую плату, а иногда поручалъ одному изъ ординаторовъ клиники, именно Костенко, съ приказаніемъ доставлять взятые съ больныхъ деньги ему, проф. Маровскому. Деньги эти хранились въ клиническомъ кабинетѣ. Узнавъ же, что проф. Маровскій расходуетъ эти деньги, мы на всякій случай рѣшили вмѣстѣ съ ординаторомъ Костенко завести особую книгу, куда записывать фамиліи всѣхъ больныхъ, съ которыхъ получались деньги и просили профессора росписываться всякій разъ въ ихъ полученіи. О чемъ съ своей стороны считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства».

На основаніи вышеизложеннаго, ректоръ университета донесъ 30-го октября г. попечителю слѣдующее: Ординаторы терапевтической клиники Костенко и Герценвицъ рапортомъ отъ 19 сентября донесли мнѣ о неправильныхъ распоряженіяхъ и неудобноисполнимыхъ для нихъ требованіяхъ директора оной клиники проф. Маровскаго; одинъ изъ ординаторовъ при приѣмѣ больныхъ долженъ стараться сколько возможно брать плату съ больныхъ, принятыхъ въ клинику, не заявляя объ этомъ никому, кромѣ профессора. Взятые деньги должны храниться въ клиническомъ кабинетѣ, впредь до требованія ихъ профессоромъ.

Узнавъ случайно, что проф. Маровскій больныхъ, съ которыхъ взята плата, записываетъ бесплатными въ шнуровую книгу, хранящуюся у смо-

трителя клиники и самъ расходуетъ эти деньги, ординаторы терапевтической клиники Костенко и Ясинскій (нынѣ ординаторъ акушерской клиники) рѣшили, чтобы въ свое оправданіе имѣть какой-нибудь письменный документъ, записывать въ особую книгу фамиліи тѣхъ лицъ, съ кого и сколько получено денегъ и предлагать каждый разъ проф. Маровскому росписываться въ полученіи съ больныхъ денегъ.

Если мы, сказано далѣе въ рапортѣ, до сихъ поръ исполняли всегда и все требованія проф. Маровскаго, то это отчасти потому, что онъ всегда увѣрялъ насъ, что все его распоряженія и требованія, ненаходящіеся въ прежнихъ клиническихъ положеніяхъ, вошли цѣликомъ въ новое положеніе о факультетскихъ клиникахъ, составленное въ прошломъ году и которое намъ тогда еще не было извѣстно. При означенномъ рапортѣ Костенко и Герценвица приложена и самая книга, о которой въ немъ упоминается. Изъ этой книги видно, что взиманіе платы съ больныхъ по терапевтической клиникѣ проф. Маровскимъ и ординаторомъ Костенко началось съ 1 марта 1866 года и всего собрано 112 руб. сер. Изъ той же книжки усматривается, что въ счетъ собранной суммы употреблено на приобрѣтеніе инструментовъ, снарядовъ, медицинскихъ изданій, отправленіе писемъ и проч. 90 руб. 33 коп., а съ присоединеніемъ къ сему 20 р., выданныхъ проф. Маровскимъ инструментальному мастеру Гессельбейну въ Кіевѣ, на что имъ представлена квитанція, всего на 110 руб. 33 коп. сер.

Ординаторъ Ясинскій въ рапортѣ отъ 22 сентября, съ своей стороны, заявилъ слѣдующее: (Г. ректоръ прописываетъ цѣликомъ вышеприведенный рапортъ ординатора Ясинскаго).

Находя таковыя дѣйствія проф. Маровскаго, неотвергаемыя имъ самимъ и подтвержденныя подписями его въ упомянутой приходо-расходной книгѣ, неправильными и противозаконными и признавая всю важность нарушенія имъ существующихъ постановленій, я, на основаніи § 34 университетскаго устава, считаю долгомъ довести о сихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что другіе пункты рапорта ординаторовъ Костенко и Герценвица переданы мною на обсужденіе и заключеніе медицинскаго факультета.

При семъ прилагается книга, въ которую записывалось проф. Маровскимъ и ординаторомъ Костенко полученіе платы съ больныхъ въ терапевтической клиникѣ и расходваніе оной и росписка инструментальнаго мастера Гессельбейна въ Кіевѣ на 20 руб.».

Въ то же время прошеніе гг. Костенко и Герценвица передано было на предварительное заключеніе медицинскаго факультета по тѣмъ пред-

метамъ, объясненнымъ въ рапортѣ, которые подлежатъ его обсужденію, на что факультетъ отъ 3 октября 1867 года донесъ:

«Препровождая обратно прошеніе гг. ординаторовъ терапевтической клиники Костенко и Герценвица, переданное на предварительное заключеніе медицинскаго факультета, факультетъ имѣетъ честь донести Вашему Превосходительству слѣдующее: Гг. ординаторы указываютъ въ этомъ прошеніи на различныя распоряженія проф. Маровскаго по терапевтической клиникѣ, составляющія отступленія отъ порядка, установленнаго въ ней нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ о клиникахъ. Факультетъ не можетъ принять на себя сужденіе о томъ, насколько достовѣрны жалобы гг. ординаторовъ и были-ли дѣйствительно сдѣланы тѣ распоряженія, на которыя они указываютъ. Разсмотрѣвъ это дѣло, факультетъ можетъ позволить себѣ лишь указать, насколько распоряженія проф. Маровскаго, если они дѣйствительно существуютъ, какъ это доносятъ гг. ординаторы, соответствуютъ утвержденнымъ Совѣтомъ и г. попечителемъ правиламъ клиническаго положенія и могли бы быть одобрены факультетомъ.

Съ этой точки зрѣнія факультетъ полагаетъ слѣдующее:

Распоряженія проф. Маровскаго, объясненные въ пунктахъ 1 и 4 прошенія, составляютъ не только нарушеніе клиническаго положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно противорѣчатъ понятіямъ, усвоеннымъ факультетомъ объ обязанностяхъ клиническаго профессора, принимать больныхъ въ клинику, дѣлать точное распознаваніе ихъ болѣзней, назначать соответствующее лѣченіе, завѣдывать поликлиникой, разсматривать исторіи болѣзней, составляемыя студентами-практикантами, все это прямая и неотъемлемая обязанность профессора клиники и не можетъ быть передана ни ординаторамъ, ни кому другому. Въ этомъ состоитъ вся обязанность клинициста и если бы все это было предоставлено гг. ординаторамъ, то директору клиники не осталось бы ровно никакого дѣла; его мѣсто стало бы лишнимъ. Это относится къ каждому клиницисту, всего же болѣе къ директору терапевтической клиники, который въ нашемъ университетѣ освобожденъ отъ всякаго теоретическаго преподаванія и занимается одною клиникою.

Относительно 2 пункта факультетъ полагаетъ, что изслѣдованіе больного и записываніе найденныхъ при немъ результатовъ въ скорбные листы есть прямая обязанность студента-практиканта. Оно должно быть производимо имъ самимъ подъ руководствомъ директора клиники, или, въ отсутствіи его, ординатора, но ни какъ не ординаторомъ. Возложеніе такой обязанности на послѣдняго устраняло бы студентовъ отъ изслѣдованія порученныхъ имъ больныхъ, отъ возможности приучиться къ правильному опредѣленію болѣзненныхъ явленій, а въ этомъ состоитъ вся цѣль клиническаго обученія.

Относительно, наконецъ, 5 пункта факультетъ полагаетъ, что никакихъ измѣненій въ установленныхъ положеніемъ порціяхъ не можетъ быть допускаемо».

Его Превосходительство г. попечитель А. А. Воскресенскій, получивъ донесеніе г. ректора, предложилъ Совѣту 30 сентября с. г. слѣдующее: «Усмотрѣвъ изъ прилагаемаго при семъ донесенія г. ректора университета отъ 3 сентября, что проф. Маровскій дозволилъ себѣ неправильныя и противозаконныя дѣйствія, неотвѣргаемыя имъ самимъ и подтверждаемыя подписями его въ прилагаемой при семъ приходо-расходной книгѣ, я предлагаю Совѣту университета для подробнаго разслѣдованія этого дѣла назначить комиссію изъ гг. членовъ Совѣта и по окончаніи дѣйствій комиссіи, обсудивъ ея донесеніе, представить оное мнѣ съ своимъ заключеніемъ. При семъ прилагается упомянутая въ рапортѣ г. ректора университета росписка мастера Гессельбейна».

Совѣтъ университета, въ засѣданіи своемъ, выслушавъ предложеніе г. попечителя, рапорты ординаторовъ Костенко, Герценвица и Ясинскаго, и представленіе медицинскаго факультета отъ 3 октября и избравъ посредствомъ закрытой подачи голосовъ членами комиссіи гг. проф. Палумбецкаго, Щелкова, Лавровскаго I и Леваковскаго, передалъ 4 октября въ комиссію всю переписку по этому дѣлу для подробнаго разслѣдованія онаго.

Комиссія, окончивъ свои дѣйствія, 23 октября, представила въ Совѣтъ протоколы своихъ засѣданій, въ которыхъ изложено все произведенное ею изслѣдованіе, съ возвращеніемъ при томъ препровожденныхъ ей отъ Совѣта документовъ. Протоколы эти были прочтены исполнѣ членамъ Совѣта въ засѣданіяхъ 24 и 27 октября.

Въ засѣданіи же 31 октября, по разсмотрѣніи протоколовъ комиссіи и всѣхъ вышеизложенныхъ документовъ по этому дѣлу, Совѣтъ университета постановилъ слѣдующее заключеніе:

1) Директоръ факультетской терапевтической клиники экстра-ординарный профессоръ Маровскій съ 1 марта прошедшаго 1866 года началъ взимать плату за лѣченіе (по 8 руб. въ мѣсяцъ), частью самъ, частью чрезъ ординатора Костенко, но не объявляя объ этомъ смотрителю клиники, съ тѣхъ больныхъ, которые въ шнуровой книгѣ, веденной смотрителемъ, имъ (Маровскимъ) собственноручно показывались безплатными. Всего собрано съ 1 марта 1866 года по 6 февраля 1867 года съ 13 больныхъ, изъ которыхъ одна женщина внесла за 2 мѣсяца, 112 руб. Деньги эти записывались въ особо заведенную частную книгу, которая хранилась въ кабинетѣ терапевтической клиники и въ которой записывались поступления съ каждаго больного, скрѣпленная подписью проф. Маровскаго

и ординатора Костенко. Въ счетъ этихъ денегъ дѣлались проф. Маровскимъ расходы, по его показанію, «на нужды клиники», а именно на приобрѣтеніе разныхъ инструментовъ 93 руб., на приобрѣтеніе медицинскихъ изданій, на корреспонденціи и разъѣзды по дѣламъ клиники 17 р. 33 к., остальные затѣмъ 1 р. 67 к. находятся на лицо въ кабинетѣ терапевтической клиники. Упомянутыя статьи расхода записаны въ той же книгѣ, большую часть за подписью проф. Маровскаго и ординатора Костенко; приобрѣтенныя вещи по осмотру комиссіи найдены состоящими на лицо, за исключеніемъ инструментовъ, заказанныхъ киевскому мастеру Гессельбейну, которому выдано въ задатокъ 20 руб., на что и имѣется отъ него квитанція.

При разслѣдованіи проф. Маровскій заявилъ комиссіи, что онъ сознавалъ опасность, грозившую имъ (т. е. ему и ординатору Костенко) въ случаѣ доноса и слѣдовательно понималъ незаконность своихъ дѣйствій, но вынужденъ былъ крайностью прибѣгнуть «къ этому источнику клиническихъ доходовъ». «Когда я вступилъ въ должность директора терапевтической клиники (это было въ февралѣ 1866 года), говоритъ онъ въ данныхъ комиссіи объясненіяхъ, то увидѣлъ, что кабинетъ ея весьма бѣденъ, такъ что недостаетъ самыхъ необходимыхъ учебныхъ и лѣчебныхъ пособій. На спеціальныя средства университета не было надежды. Мнѣ обѣщали дать средства изъ остатковъ суммъ, если окажутся и если на то послѣдуетъ разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія и то не раньше іюня».

Признавая вышеизложенныя дѣйствія проф. Маровскаго противозаконными, Совѣтъ считаетъ нужнымъ присовокупить, что данное имъ комиссіи объясненіе побужденій къ онымъ, не говоря уже о томъ, что оно по существу своему не можетъ служить къ его оправданію,—фактически невѣрно: при приѣмѣ проф. Маровскимъ терапевтической клиники она была уже снабжена въ извѣстной мѣрѣ наиболѣе необходимыми для преподаванія пособиями. Въ скорости по вступленіи въ должность, онъ обратился въ Совѣтъ университета съ ходатайствомъ о назначеніи экстраординарной суммы въ 500 руб. на устройство кабинета и при ней небольшой лабораторіи. Согласно заявленію членовъ медицинскаго факультета о необходимости этого назначенія Совѣтъ 5 апрѣля 1866 г. опредѣлилъ на означенный предметъ 500 руб., которые и ассигнованы были съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія 21 мая 1866 года изъ остатковъ по другимъ расходнымъ статьямъ финансовой смѣты университета. Если бы и затѣмъ штатная сумма кабинета терапевтической клиники, по соображенію проф. Маровскаго, могла оказаться недостаточною для расходовъ, предстоявшихъ въ 1867 году, то ему слѣдовало бы заявить объ этомъ

при составленіи смѣты расходовъ специальныхъ средствъ университета на этотъ годъ, въ декабрѣ 1866 года, чего имъ не сдѣлано, а между тѣмъ въ началѣ текущаго года онъ продолжаетъ незаконное взиманіе платы съ больныхъ, пользовавшихся въ клиникѣ, и расходованіе этой суммы.

Такъ какъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ 22 мая 1862 г. §§ 2 и 3 правилъ о составленіи, рассмотрѣніи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій, плата, взимаемая съ больныхъ за лѣченіе въ факультетской клиникѣ, составляетъ принадлежность государственнаго казначейства и должна быть, согласно § 3 ст. 1 табели о порядкѣ поступленія доходовъ, въ установленные сроки сдаваема въ мѣстную кассу онаго, изъ дѣла же оказывается, что проф. Маровскій противозаконнымъ образомъ задерживалъ и расходовалъ оную, то Совѣтъ находитъ необходимымъ, независимо отъ той отвѣтственности, которой подлежитъ онъ за свои незаконныя дѣйствія, потребовать отъ него немедленнаго внесенія въ Правленіе всей удержанной имъ съ 1 марта 1866 года суммы 112 руб., для препровожденія оной въ Харьковское губернское казначейство по принадлежности; что касается до наличныхъ предметовъ, приобрѣтенныхъ имъ въ счетъ этой суммы, всего по показанной цѣнѣ на 93 руб., то, не входя въ разбирательство относительно ихъ стоимости показанной цѣны, а равно степени ихъ необходимости или годности для клиники, признать ихъ подлежащими возвращенію проф. Маровскому, но впредь до окончанія дѣла, на случай, если бы по ходу онаго новый осмотръ этихъ вещей найденъ былъ необходимымъ, предоставить Правленію университета принять мѣры къ храненію ихъ за казенною печатью; остальные расходы, всего 17 р. 33 к., согласно заключенію комиссіи, признать излишними съ точки зрѣнія самаго проф. Маровскаго.

2) Ординаторы Костенко, Ясинскій и Герценвицъ, по соображенію поданныхъ ими на имя г. ректора рапортовъ о данныхъ ими комиссіи объясненій признаются Совѣтомъ прикосновенными къ дѣлу, такъ какъ первые два, какъ видно изъ сдѣланныхъ ими заявленій, по собственному побужденію завели частную книгу для записыванія поступленія платы съ больныхъ, которая расходовалась проф. Маровскимъ. Мысль о заведеніи подобной книги могла быть вызвана только сознаніемъ незаконности дѣйствій, въ которыхъ они принимали участіе и опасеніемъ отвѣтственности, которой они могли подвергаться: «чтобы имѣть въ свое оправданіе какойнибудь письменный документъ», какъ сказано въ рапортѣ г. Костенко. Опасеніе отвѣтственности было съ ихъ стороны тѣмъ естественнѣе, что имъ, какъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ служившимъ въ должности ординаторовъ, не могъ не быть извѣстенъ порядокъ пріема платы за лѣ-

ченіе больныхъ въ клиникѣ, что далѣе въ мартѣ 1866 года, по собственному ихъ заявленію, Костенко «узналъ случайно», а до Ясинскаго «доходили слухи» о томъ, что проф. Маровскій больныхъ, съ которыхъ взимается имъ при участіи ординаторовъ плата, показываетъ въ шнуровой книгѣ бесплатными. Неимѣніе подъ руками дѣйствовавшаго тогда положенія о клиникахъ, на что ссылается ординаторъ Костенко, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ ему слѣдовало бы позаботиться пріобрѣсти экземпляръ этого положенія, если находившійся въ терапевтической клиникѣ былъ затерянъ, или обратиться за нужными справками съ этимъ положеніемъ къ смотрителю клиники, или секретарю Правленія университета, у которыхъ онъ нашелъ бы экземпляры этого положенія. Костенко заявляетъ, что онъ совершенно вѣрилъ словамъ проф. Маровскаго, увѣрявшаго его постоянно, что плату съ больныхъ долженъ принимать директоръ, а не смотритель клиники, и что вѣра эта поддерживалась въ немъ, между прочимъ, слѣдующими обстоятельствами: Изъ бумаги Правленія на имя директора терапевтической клиники за № 857, полученной 8 іюля 1866 года, ему извѣстно было объ утвержденіи г. попечителемъ новаго положенія о клиникахъ и о томъ, что утвержденіе это послѣдовало гораздо раньше (Положеніе это утверждено г. попечителемъ 31 мая 1866 года). Поэтому онъ, Костенко, съ 1 іюня 1866 года каждый день могъ надѣяться получить новое клиническое положеніе. Не понятно, какимъ образомъ свѣдѣніе, полученное въ іюнь и родившаяся вслѣдствіе того надежда получить новое положеніе могла поддерживать въ ординаторѣ Костенко вѣру въ слова проф. Маровскаго, три мѣсяца ранѣе въ мартѣ, когда заведена имъ вмѣстѣ съ ординаторомъ Ясинскимъ вышеупомянутая книга и когда онъ сдѣлался дѣятельнымъ исполнителемъ незаконныхъ распоряженій проф. Маровскаго. Еще менѣе могло поддерживать въ немъ вѣру въ слова проф. Маровскаго и служить побужденіемъ къ исполненію его распоряженій, несогласныхъ съ дѣйствовавшимъ въ 1866 году положеніемъ о клиникахъ, допускаемое, по его заявленію, Правленіемъ университета отклоненіе отъ §§ 35 и 36 этого положенія, о самомъ существованіи которыхъ онъ, Костенко, по собственному его признанію, «узналъ послѣ».

Что касается до ординатора Герценвица, то онъ, хотя зналъ о незаконныхъ распоряженіяхъ проф. Маровскаго, но, какъ оказывается изъ разслѣдованія, не принималъ въ исполненіи ихъ прямого участія.

Обвиненіе въ нерадѣніи къ исполненію обязанностей, взводимое на ординаторовъ Костенко и Герценвица проф. Маровскимъ, не подтверждается разслѣдованіемъ комиссіи.

3) Что касается до другихъ обвиненій и жалобъ, взводимыхъ ординаторами Костенко и Герценвицемъ на проф. Маровскаго, то а) *по 1-му*